

**Производство в соответствии
с пунктом 4 статьи 46 Конвенции
о защите прав человека
и основных свобод
по делу «Ильгар Маммадов
(Ilgar Mammadov¹) против
Азербайджана»²**

(Жалоба № 15172/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ³

г. Страсбург, 29 мая 2019 г.

По делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (пункт 4 статьи 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) Европейский Суд по правам человека, заседаая Большой Палатой в составе:

Ангелики Нуссбергер, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Линос-Александра Сицилианоса,

Роберта Спано,

Анны Юджовской,

Хелены Ядерблом,

Небойши Вучинича,

Пауло Пинто де Альбукерке,

Эрика Мёсе,

Кшиштофа Войтычека,

Валерия Грицко,

Дмитрия Дедова,

Юлии Антоанеллы Моток,

Шиюфры О'Лири,

Мартиньша Митса,

Стефани Муру-Викстрём,

Алёны Полачковой,

Латифа Хусейнова, *судей,*

а также при участии Родерика Лидделла, *Секретаря Большой Палаты Суда,*

¹ Речь идет об азербайджанском политике Ильгаре Эльдар оглы Мамедове (азерб. *İlqar Eldar oğlu Məmmədov*), фамилия которого латиницей написана в настоящем Постановлении как «Mammadov», и далее в тексте его фамилия будет приводиться согласно этому написанию (*примеч. переводчика*).

² Перевод с английского языка Ю.Ю. Берестнева.

³ Настоящее Постановление вступило в силу в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 20 июня и 24 октября 2018 г., 30 января и 1 апреля 2019 г.,
вынес в последний указанный день следующее
Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано вопросом, переданным на рассмотрение Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) Комитетом министров Совета Европы (далее – Комитет министров) 5 декабря 2017 г., заключавшимся в том, выполнили ли власти Республики Азербайджан (далее также – власти государства-ответчика, власти Азербайджана) предусмотренную пунктом 1 статьи 46 Конвенции обязанность исполнить Постановление Европейского Суда по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (*Ilgar Mammadov v. Azerbaijan*) (от 22 мая 2014 г., жалоба № 15172/13, далее – первое Постановление по делу Маммадова).

2. В первом Постановлении по делу Маммадова Европейский Суд установил нарушения подпункта «с» пункта 1, пункта 4 статьи 5, пункта 2 статьи 6 Конвенции, а также статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции вследствие предъявленного Ильгару Маммадову (далее – заявитель) уголовного обвинения в феврале 2014 года и его последующего содержания под стражей до суда.

3. Первое Постановление по делу Маммадова вступило в силу 13 октября 2014 г. и было передано в Комитет министров согласно пункту 2 статьи 46 Конвенции для осуществления надзора за его исполнением. Комитет министров неоднократно рассматривал исполнение этого Постановления на своих заседаниях с декабря 2014 года по октябрь 2017 года (см. ниже §§ 45–70). На 1302-м заседании, состоявшемся 5–7 декабря 2017 г., осуществляя полномочия, предоставленные пунктом 4 статьи 46 Конвенции и правилом 11 его Регламента, Комитет министров принял промежуточную Резолюцию, передав вопрос, сформулированный согласно пункту 4 статьи 46 Конвенции, в Европейский Суд (CM/ResDH(2017)429, см. Приложение).

4. 11 декабря 2017 г. данный вопрос был передан Комитетом министров Секретарю-канцлеру в соответствии с правилом 100 (бывшее правило 59) Регламента Европейского Суда и впоследствии направлен в Большую Палату Европейского Суда согласно правилу 101 (бывшее правило 96) Регламента Европейского Суда.

5. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с пунктом «b» статьи 31 Конвенции и правилом 24 Регламента Европейского Суда.

6. 31 января 2018 г. власти Азербайджана представили возражение в соответствии с подпунктом «d» пункта 2 правила 28 Регламента Европейского Суда относительно выступления Председателя Европейского Суда на официальном открытии судебного года 26 января 2018 г. Хотя возражение было юридически необоснованным, тем не менее Председатель Европейского Суда решил, что с целью соблюдения интересов Европейского Суда его Председателю следовало выйти из состава формируемой Большой Палаты Европейского Суда. Согласно правилу 10 Регламента Европейского Суда должность Председателя Большой Палаты Европейского Суда заняла заместитель Председателя Европейского Суда судья Ангелика Нуссбергер (пункт 2 правила 5 Регламента Европейского Суда). Состав Большой Палаты Европейского Суда был соответствующим образом пересмотрен. Основываясь на замечании Председателя Европейского Суда от 26 января 2018 г., власти Азербайджана также обжаловали пристрастность Европейского Суда в целом на основании пункта 1 правила 9 Регламента Европейского Суда. Председатель Большой Палаты Европейского Суда, действуя на основании пункта 4 правила 28 Регламента Европейского Суда, передал возражение властей Азербайджана на рассмотрение вновь сформированной Большой Палаты Европейского Суда, которая рассмотрела его и отклонила как полностью необоснованное.

7. Комитет министров, власти Азербайджана и заявитель представили свои письменные замечания (правило 102 и пункт 1 правила 103 (бывшие правило 97 и пункт 1 правила 98) Регламента Европейского Суда).

8. Запрос о проведении устных слушаний не поступал. Проведя закрытое заседание, 16 апреля 2018 г. Большая Палата Европейского Суда решила не проводить устных слушаний в соответствии с пунктом 2 правила 103 (бывший пункт 2 правила 98) Регламента Европейского Суда. Комитет министров, власти Азербайджана и заявитель представили свои дополнительные письменные замечания в ответ на первый этап письменных комментариев.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. ПРЕДЫСТОРИЯ ВОПРОСА

1. Ильгар Маммадов и события, которые привели к его заключению под стражу

9. Заявитель является гражданином Азербайджана, участвовавшим в различных политических организациях, а также во внутригосудар-

ственных и международных неправительственных организациях на протяжении ряда лет. В 2008 году заявитель стал одним из основателей гражданского движения «Республиканская альтернатива» (далее – движение «РЕАЛ»), а в 2012 году был избран председателем этого движения. На протяжении нескольких лет заявитель также являлся директором Школы политических наук в г. Баку, которая входит в сеть школ, связанных с Советом Европы (см. первое Постановление по делу Маммадова, § 6).

10. Заявитель вел личный блог в Интернете, в котором комментировал различные политические вопросы. В частности, в ноябре 2012 года, после принятия Национальным собранием Азербайджана (далее – Национальное собрание) нового закона о строгом наказании за несанкционированные публичные собрания, заявитель разместил в своем блоге комментарий, который, как утверждал заявитель, имел цель оскорбить членов Национального собрания. Не называя имен, заявитель утверждал, *inter alia*, что Национальное собрание состояло из «мошенников», и сравнивал собрание в целом с зоопарком. Данные высказывания были процитированы средствами массовой информации и вызвали ряд очевидно агрессивных ответов от различных членов Национального собрания. Эти ответы, также размещенные в средствах массовой информации, по содержанию варьировались от ответных оскорблений *ad hominem*¹ до призывов к наказанию и угроз подать иск в суд. По словам заявителя, парламентарии «временно отказались... от подачи исков» после того, как призывы наказать заявителя были осуждены вице-председателем Европейской комиссии, который в рассматриваемое время посещал Азербайджан (см. *ibid.*, § 7).

11. В начале января 2011 года движение «РЕАЛ» сообщило, что оно планирует выдвинуть своего кандидата на предстоящих президентских выборах в ноябре 2013 года. Ильгар Маммадов заявил, что он рассматривает возможность выдвижения своей кандидатуры на этих выборах. По его словам, перспектива выдвижения его кандидатуры на президентских выборах широко обсуждалась в Азербайджане в рассматриваемое время (см. *ibid.*, § 8).

12. 23 января 2013 г. в г. Исмаиллы, расположенном на северо-западе от г. Баку, начались беспорядки. Согласно репортажам в средствах массовой информации, в которых со ссылками на слова местных жителей, сообщалось, что беспорядки начались с инцидента с участием V.A., сына человека, занимавшего в то время должность министра труда и социальной защиты и являвшегося племянником председателя органа местного самоуправления района Исмаиллы (*Ismayilli*

¹ *Ad hominem* (лат.) – с переходом на личности (примеч. переводчика).

District Executive Authority, IDEA). Утверждалось, что, попав в дорожно-транспортное происшествие, V.A. оскорбил и нанес физические травмы пассажирам другой машины, которые являлись местными жителями. Узнав об этом случае, сотни (возможно, тысячи) местных жителей вышли на улицы и разгромили ряд коммерческих учреждений (включая отель «Чираг» (*Chirag*)) и другие объекты в районе г. Исмаиллы, которые, как считалось, являлись собственностью семьи V.A. (см. *ibid.*, § 9).

13. 24 января 2013 г. Ильгар Маммадов прибыл в г. Исмаиллы, чтобы получить данные о событиях «из первых рук». 25 января 2013 г. он описал впечатления от поездки в своем блоге. 28 января 2013 г. заявитель разместил в своем блоге дополнительную информацию относительно рассматриваемых событий, процитировав информацию с официальных интернет-сайтов Министерства культуры и туризма Азербайджана и Министерства по вопросам налогообложения Азербайджана и опубликовав фото страниц с этих сайтов. В частности, заявитель отметил, что согласно этим данным и информации со страницы V.A. в Facebook отель «Чираг» действительно принадлежал V.A. Это прямо противоречило озвученному ранее опровержению со стороны председателя органа местного самоуправления района Исмаиллы. Информация, процитированная заявителем в его блоге, была удалена с официальных интернет-сайтов указанных министерств и со страницы V.A. в Facebook в течение одного часа с момента публикации в блоге. Однако информацию из самого блога активно цитировали средства массовой информации (см. *ibid.*, §§ 12–13).

14. 29 января 2013 г. заявителю позвонили из Департамента по тяжким преступлениям Генеральной прокуратуры и устно пригласили его прийти в департамент для беседы в качестве свидетеля. В течение последующих дней заявителя неоднократно допрашивали (см. *ibid.*, §§ 16–28).

15. 4 февраля 2013 г. заявителю было предъявлено обвинение по статье 233 (организация или активное участие в деятельности, приведшей к нарушению общественного порядка) и части второй статьи 315 (сопротивление или применение насилия к должностным лицам, представлявшее угрозу их жизни или здоровью) Уголовного кодекса Азербайджана (см. *ibid.*, § 27).

16. В тот же день, 4 февраля 2013 г., заявителя заключили под стражу на два месяца (до 4 апреля 2013 г.) постановлением Насиминского районного суда (см. *ibid.*, § 32).

17. 30 апреля 2013 г. руководитель следственной группы принял решение предъявить заявителю обвинение согласно части первой статьи 220 (массовые беспорядки) и части второй статьи 315 (сопротивление или применение насилия к должностным лицам, представлявшее угрозу их жизни или здоровью) Уголовного кодекса Азербайджана,

изменив тем самым первоначальное обвинение (см. *ibid.*, § 49).

18. Первоначальный срок содержания заявителя под стражей впоследствии продлевался постановлениями Насиминского районного суда от 14 марта (до 4 июня 2013 г.) и от 14 августа 2013 г. (до 4 ноября 2013 г.) (см. *ibid.*, §§ 44, 51 и 53). Жалобы заявителя на первоначальное постановление о заключении под стражу от 4 февраля 2013 г. (см. выше § 16) и на постановления о продлении срока содержания под стражей были отклонены (см. *ibid.*, §§ 34–39, 45–46 и 53). Заявитель также безуспешно просил заменить ему меру пресечения на домашний арест или залог (см. *ibid.*, §§ 40–42 и 47–48).

2. Рассмотрение уголовного дела судом

19. Суд по делу заявителя, в котором участвовали 18 подсудимых, начался в ноябре 2013 года. 4 ноября 2013 г. Шекинский суд по делам о тяжких преступлениях провел предварительное слушание по делу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана (№ 2)» (*Ilgar Mammadov v. Azerbaijan*) (№ 2) от 16 ноября 2017 г., жалоба № 919/15, § 21 и последующие) (далее – второе Постановление по делу Маммадова). В процессе судебного разбирательства, в ходе которого заявитель оставался под стражей, состоялось примерно 30 судебных заседаний (см. *ibid.*, § 26).

20. 17 марта 2014 г. Шекинский суд по делам о тяжких преступлениях постановил приговор, признав заявителя виновным в предъявленном ему обвинении и приговорив его к семи годам лишения свободы (см. *ibid.*, § 94).

21. 24 сентября 2014 г., рассмотрев жалобу заявителя, Шекинский апелляционный суд оставил приговор без изменения (см. *ibid.*, § 121).

22. В ноябре 2014 г. заявитель подал кассационную жалобу в Верховный суд Азербайджана. На первом судебном заседании 13 января 2015 г. Верховный суд Азербайджана решил в отсутствие соответствующих возражений отложить дальнейшее рассмотрение дела на неопределенный срок, поскольку суду было необходимо время для изучения материалов дела (см. *ibid.*, §§ 123–124).

23. Судебное рассмотрение было возобновлено 13 октября 2015 г. Решением от той же даты Верховный суд Азербайджана отменил решение Шекинского апелляционного суда от 24 сентября 2014 г., установив, что отклонение указанным судом ходатайства стороны защиты о допросе дополнительных свидетелей и исследовании дополнительных доказательств было необоснованным и противоречило законодательству Азербайджана и требованиям статьи 6 Конвенции. Дело было возвращено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции (см. *ibid.*, §§ 124–125).

24. 29 апреля 2016 г., пересмотрев материалы дела и исследовав дополнительные доказательства, Шекинский апелляционный суд вынес решение об оставлении приговора по делу заявителя без изменения (см. *ibid.*, §§ 127–129).

25. Шекинский апелляционный суд принял во внимание первое Постановление по делу Маммадова, в котором было установлено нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, однако решил, что для такого вывода нет оснований. Заслушав ряд свидетелей, Шекинский апелляционный суд вместо этого пришел к выводу о том, что имелись достаточные доказательства для признания заявителя виновным в предъявленном обвинении. Шекинский апелляционный суд не указал в своем решении на нарушения других статей Конвенции, установленные Европейским Судом по первому Постановлению по делу Маммадова. Шекинский апелляционный суд сослался на «провоцирующие неповиновение» публикации заявителя на Facebook и в интернет-блоге и установил следующее:

«Обстоятельства дела без всяких сомнений доказывают, что Ильгар Маммадов и Тофик Ягублу (*Tofiq Yagublu*) отправились в г. Исмаиллы 24 января 2013 г., организовали там массовые беспорядки и активно участвовали в них, что привело к нападению местных жителей на здание местной администрации примерно в 17.00...

Коллегия суда отмечает, что Ильгар Маммадов и Тофик Ягублу прибыли из г. Баку и смогли превратить спонтанные выступления в организованные массовые беспорядки в течение двух часов: хотя при обычных обстоятельствах это выглядело бы странно, ситуация была напряженной, местные жители обвиняли главу местной администрации Н. Алекперова и были взволнованы, и, как отметил Ильгар Маммадов, «ситуация была взрывоопасной». Ильгар Маммадов и Тофик Ягублу воспользовались этими факторами и, используя антиправительственные слоганы, привлекли внимание толпы, взбудоражив население и совершив указанные выше преступные деяния».

26. Шекинский апелляционный суд также указал следующее:

«Коллегия суда пришла к выводу, что в соответствии с положениями статей 143–146 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджана было собрано достаточно доказательств, которые были оценены судом первой инстанции всесторонне и объективно. Часть первая статьи 220 и часть вторая статьи 315 Уголовного кодекса Азербайджана были применены к обвиняемым Ильгару Эльдару Маммадову и Тофику Рашиду Ягублу правильно».

27. 21 июня 2016 г. заявитель подал в Верховный суд Азербайджана вторую кассационную жалобу. Вступившим в силу решением от 18 ноября 2016 г. Верховный суд Азербайджана оставил решение Шекинского апелляционного суда от 29 апреля 2016 г. без изменения (см. *ibid.*, § 149). Заявитель оставался под стражей с этого момента и до 13 августа 2018 г. (см. ниже § 32).

28. После того, как второе Постановление по делу Маммадова (см. ниже §§ 74–80) вступило в силу 5 марта 2018 г., заявитель снова обратился в Верховный суд Азербайджана с ходатайством о возобновлении производства по делу. 29 июня 2018 г. Пленум Верховного суда Азербайджана удовлетворил ходатайство заявителя, возобновил производство по делу и вернул его на новое рассмотрение в Шекинский апелляционный суд.

29. 13 августа 2018 г. Шекинский апелляционный суд пересмотрел приговор Шекинского суда по делам о тяжких преступлениях от 17 марта 2014 г. В ходе судебного заседания было предоставлено слово как заявителю, так и представителю стороны обвинения. Ни одна из сторон не предоставила новой информации.

30. Шекинский апелляционный суд пересмотрел доказательства по делу и напомнил, что в соответствии со сложившейся прецедентной практикой Европейского Суда внутригосударственные суды находились в лучшем положении для оценки доказательств по делу. Оценивая доказательства, представленные сотрудниками органов внутренних дел, Шекинский апелляционный суд решил, что «явно отсутствовали правовые основания, которые подвергли бы сомнению достоверность [их] показаний». Шекинский апелляционный суд также рассмотрел остальные первоначальные свидетельские показания и доказательства. Шекинский апелляционный суд подтвердил вывод из своего решения от 29 апреля 2016 г. о том, что «было собрано достаточно доказательств, которые были оценены судом первой инстанции всесторонне и объективно». Шекинский апелляционный суд указал следующее:

«Таким образом, рассмотрев жалобы, суд полагает, что приговор Шекинского суда по делам о тяжких преступлениях от 17 марта 2014 г., которым подсудимый Ильгар Маммадов был признан виновным в нарушении части первой статьи 220 и части второй статьи 315 Уголовного кодекса Азербайджана и приговорен к четырем годам лишения свободы за нарушение части первой статьи 220 Уголовного кодекса Азербайджана и к четырем годам лишения свободы за нарушение части второй статьи 315 Уголовного кодекса Азербайджана и в итоге, путем частичного сложения наказаний, к семи годам лишения свободы на основании части третьей статьи 66 Уголовного кодекса Азербайджана, был законным и обоснованным».

31. Что касается наказания, Шекинский апелляционный суд указал следующее:

«Суд также отмечает, что при условном наказании осужденный не освобождается от уголовной ответственности. Если назначенное приговором наказание не исполняется, оно отбывается в особой форме, установленной законом».

Учитывая данные о личности осужденного Маммадова, наличие у него на иждивении одного несовершеннолетнего ребенка, отсутствие судимости, тот факт, что подсудимый уже отбыл

большую часть своего наказания и что он не совершал незаконных деяний, находясь под стражей, а также отсутствие каких-либо жалоб или исков против заявителя, связанных с рассматриваемыми преступными деяниями, суд полагает, что возможна реабилитация осужденного без отбывания им оставшейся части наказания и без изоляции от общества. Следовательно, суд считает, что применение статьи 70 Уголовного кодекса Азербайджана и отбывание оставшегося заявителю срока наказания условно с установлением испытательного срока соответствуют закону и являются уместными с позиции достижения цели наказания».

32. Шекинский апелляционный суд решил, что неотбытый срок наказания продолжительностью один год, пять месяцев и 21 день должен был быть вычтен из назначенного срока наказания. Применяв статью 70 Уголовного кодекса Азербайджана, Шекинский апелляционный суд назначил заявителю испытательный срок продолжительностью два года, который истек 13 августа 2020 г. Заявитель был освобожден из-под стражи в день вынесения решения Шекинским апелляционным судом, 13 августа 2018 г. Шекинский апелляционный суд отметил следующее:

«Надзор за поведением осужденного поручается Управлению по надзору за исполнением условных наказаний по месту жительства осужденного. Согласно части пятой статьи 70 Уголовного кодекса Азербайджана во время испытательного срока Ильгар Маммадов не может менять место жительства без уведомления надзирающего органа, должен являться по вызову сотрудников этого органа, не должен покидать страну и должен доказывать свое исправление своим поведением».

В. ПЕРВОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ МАММАДОВА

33. В первом Постановлении по делу Маммадова от 22 мая 2014 г., которое вступило в силу 13 октября 2014 г., Европейский Суд установил нарушения подпункта «с» пункта 1 статьи 5, пункта 2 статьи 6 Конвенции, а также статьи 18 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 5 Конвенции в связи с уголовным обвинением, предъявленным заявителю в феврале 2013 года за разоблачение им в своем интернет-блоге версии властей о событиях, происходивших в г. Исмаиллы 23 января 2013 г., и в связи с последующим содержанием заявителя под стражей (см. выше §§ 9 и 18). Европейский Суд присудил заявителю 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 2 000 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек.

34. Европейский Суд установил, что задержание заявителя и его содержание под стражей были произведены в отсутствие какого-либо обоснованного подозрения в совершении заявителем противоправного деяния и поэтому являлись нарушением подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции

(см. первое Постановление по делу Маммадова, §§ 99–100)¹:

«99. На основании изложенного Европейский Суд полагает, что в ходе предварительного следствия не были упомянуты или представлены какие-либо особые факты или информация, которые обосновывали бы подозрение, послужившее основанием для задержания заявителя, и что показания R.N. и I.M., которые были представлены в Европейский Суд только впоследствии, не являлись такими фактами или информацией. Кроме того, не было доказано, что после задержания заявителя и на протяжении всего срока его содержания под стражей, относящегося к сфере действия настоящей жалобы, власти получили бы новые данные или доказательства подобного характера.

100. Европейский Суд учитывает тот факт, что дело заявителя было рассмотрено судом (продолжающееся содержание заявителя под стражей во время судебного разбирательства еще не являлось предметом обращения в Европейский Суд). Однако это не влияет на выводы Европейского Суда по настоящему делу, в котором он призван рассмотреть, было ли лишение заявителя свободы во время предварительного следствия обоснованным, исходя из информации или фактов, доступных в рассматриваемое время. В этом отношении, принимая во внимание вышеизложенные доводы, Европейский Суд полагает, что представленный ему материал не отвечает установленному подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции минимальному стандарту обоснованности подозрения, требуемого для задержания лица и его последующего содержания под стражей. Следовательно, не было убедительно доказано, что в рассматриваемый Европейским Судом период заявитель был лишен свободы на основании «обоснованного подозрения» в том, что он совершил преступление.

101. Следовательно, имело место нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции».

35. Европейский Суд также установил, что суды Азербайджана первой и второй инстанций во всех своих решениях ограничились дословным воспроизведением ходатайств стороны обвинения, фактически не оценив законность содержания заявителя под стражей, что привело к нарушению пункта 4 статьи 5 Конвенции.

36. Напоминая, что предъявленное заявителю обвинение не было основано на обоснованном подозрении, Европейский Суд также установил, что действительной целью обжалуемых мер было заставить заявителя замолчать или наказать его за критику в адрес властей и за попытку распространения того, что заявитель полагал истинной информацией, которую правительство хотело скрыть (см. *ibid.*, §§ 141–143, а также ниже § 187).

37. Следовательно, Европейский Суд установил нарушение статьи 18 Конвенции, рассмотренной

¹ Вторая жалоба, касающаяся этих событий, была подана Ильгаром Маммадовым 19 декабря 2014 г. (примеч. Секретария Суда).

в совокупности со статьей 5 Конвенции (см. *ibid.*, § 144).

38. Европейский Суд также установил нарушение права заявителя на презумпцию невиновности, предусмотренного пунктом 2 статьи 6 Конвенции, в связи с выступлениями в прессе генерального прокурора и министра внутренних дел, которые призывали общественность поверить в виновность заявителя (см. *ibid.*, §§ 127–128).

С. НАДЗОР КОМИТЕТА МИНИСТРОВ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ПЕРВОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ДЕЛУ МАММАДОВА

1. Производство до заседания Комитета министров

39. Когда первое Постановление по делу Маммадова вступило в силу 13 октября 2014 г., оно было передано в Комитет министров для надзора за его исполнением согласно пункту 2 статьи 46 Конвенции (см. выше § 3).

40. 26 ноября 2014 г. власти Азербайджана выполнили процессуальные действия по исполнению первого Постановления по делу Маммадова (см. § 102), которые заключались в представлении в Комитет министров плана действий (см. DH-DD(2014)1450).

41. В указанном плане действий власти Азербайджана уведомили Комитет министров о состоянии производства по уголовному делу, в частности, о том, что после обстоятельств, рассмотренных в первом Постановлении по делу Маммадова, заявитель был признан виновным Шекинским судом по делам о тяжких преступлениях приговором от 17 марта 2014 г., оставленным без изменения 24 сентября 2014 г. Шекинским апелляционным судом. Кассационная жалоба заявителя находилась в процессе рассмотрения (см. §§ 19–22).

42. Затем власти государства-ответчика привели цитаты из постановления Пленума Верховного суда Азербайджана от 3 ноября 2009 г. о применении судами внутрисударственного законодательства при рассмотрении ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

43. Описывая меры, которые власти Азербайджана «запланировали и приняли во исполнение Постановления Европейского Суда», они отметили, что Постановление по первому делу Маммадова было передано в Верховный суд Азербайджана «для учета при рассмотрении кассационной жалобы заявителя».

44. Аппарат Уполномоченного властей Азербайджана при Европейском Суде также планировал организовать совместно с Верховным судом Азербайджана серию занятий по повышению квалификации для судей судов первой и апелляционной инстанций по вопросу применения постанов-

ления Пленума Верховного суда Азербайджана от 3 ноября 2009 г. В заключение в плане действий также предусматривалось дополнительное обучение сотрудников прокуратуры по вопросу соблюдения принципа презумпции невиновности и требования представления материалов обвинения в суды для подтверждения наличия «обоснованного подозрения». Кроме того, отмечалось, что в надлежащий срок, после необходимой подготовки, в Комитет министров будут представлены подробные сведения о сроках осуществления указанных мер.

2. Процедуры, осуществлявшиеся в период с заседания Комитета министров в декабре 2014 года до встречи по вопросам прав человека в декабре 2016 года

(а) Общий обзор

45. После представления властями Азербайджана плана действий (см. выше §§ 40–44) Комитет министров рассмотрел дело на своем первом из ежеквартальных заседаний по вопросам прав человека, проводимом после вступления в силу первого Постановления по делу Маммадова (124-е заседание, 2–4 декабря 2014 г.) (см. ниже § 100). Секретариат Комитета министров сообщил следующее:

«Нарушение статьи 18 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 5 Конвенции, ставит под сомнение суть уголовного дела против заявителя...

В связи с этим было бы полезно, если бы власти проинформировали Комитет министров о мерах, которые соответствующие органы государственной власти (а именно Генеральная прокуратура и Верховный суд) планируют осуществить, чтобы принять во внимание выводы Европейского Суда и устранить, насколько это возможно, последствия этого нарушения для заявителя в контексте уголовного дела, которое, по-видимому, рассматривается Верховным судом. С учетом серьезных нарушений, установленных Европейским Судом в настоящем деле, освобождение заявителя из-под стражи являлось бы первой важной мерой, которая должна быть рассмотрена в приоритетном порядке и безотлагательно в соответствии с внутрисударственными процедурами».

На этом заседании Комитет министров классифицировал дело как рассматриваемое по «ускоренной процедуре», поскольку оно требовало принятия «мер индивидуального характера» и свидетельствовало о наличии «комплексной проблемы» (см. ниже § 101). С учетом первого Постановления по делу Маммадова, представленного плана действий и мнения его Секретариата Комитет министров принял следующее решение:

«Члены Комитета министров Совета Европы:

1) относительно мер индивидуального характера и учитывая обстоятельства дела, призвали власти

обеспечить незамедлительное освобождение заявителя из-под стражи,

2) ввиду многочисленных сообщений о состоянии здоровья заявителя призвали власти незамедлительно принять все необходимые меры и безотлагательно предоставить информацию в этом отношении,

3) предложили властям указать дальнейшие меры, принятые или запланированные, по исполнению Постановления Европейского Суда и устранить, как можно скорее, оставшиеся последствия установленных серьезных нарушений прав заявителя,

4) отметили в этом контексте, что уголовное дело, факт возбуждения которого был негативно оценен Европейским Судом, всё еще рассматривается Верховным судом Азербайджана,

5) напомнили об общей проблеме произвольного применения уголовного законодательства для ограничения свободы выражения мнения и выразили особую озабоченность фактом установления нарушения статьи 18 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 5 Конвенции,

6) призвали власти Азербайджана предоставить безотлагательно конкретную и всестороннюю информацию о мерах, принятых и/или запланированных, во избежание случаев возбуждения уголовных дел без законных оснований и для обеспечения эффективного судебного рассмотрения прокуратурой таких случаев,

7) выразили озабоченность повторяющимся характером нарушения принципа презумпции невиновности сотрудниками генеральной прокуратуры и членами правительства, несмотря на несколько постановлений Европейского Суда, который с 2010 года указал на ясные требования Конвенции в этом отношении и настаивал на необходимости быстрых и решительных действий для предотвращения совершения аналогичных нарушений в будущем...».

46. На протяжении этого срока Комитет министров был уведомлен в контексте принятия мер индивидуального характера о том, что заявитель подал кассационную жалобу в Верховный суд Азербайджана на решение Шекинского апелляционного суда от 24 сентября 2014 г. (см. выше §§ 21–22). 13 января 2015 г. Верховный суд Азербайджана отложил рассмотрение жалобы *sine die*¹, а на своем заседании 12 марта 2015 г. Комитет министров принял промежуточную Резолюцию, призывавшую «безотлагательно» освободить заявителя (см. CM/ResDH(2015)43). 13 октября 2015 г. Верховный суд Азербайджана отменил решение Шекинского апелляционного суда (см. выше § 23). Рассматривая это решение, Комитет министров пришел к выводу, что Верховный суд Азербайджана не принял во внимание выводы из первого Постановления по делу Маммадова. Рассматривая дело на своем 1234-м заседании (8–9 декабря 2015 г.), Комитет министров указал следующее:

«...3) настаивая повторно на необходимости властей государства-ответчика обеспечить безотлагательно освобождение заявителя...»

4) отмечая, что Верховный суд Азербайджана только частично удовлетворил кассационную жалобу, при этом, по-видимому, не приняв во внимание выводы Европейского Суда по делу заявителя и, в частности, касавшиеся нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции...».

47. Комитет министров продолжил следить за событиями, связанными с приговором по делу заявителя и его жалобами на приговор (см. выше §§ 19–27). Он отметил, что по указанию Верховного суда Азербайджана 29 апреля 2016 г. Шекинский апелляционный суд пересмотрел дело заявителя и оставил вынесенный ему приговор без изменения (см. выше § 24). 21 июня 2016 г. заявитель вновь обжаловал решение Шекинского апелляционного суда в Верховный суд Азербайджана (см. выше § 27).

48. До июня 2016 года Комитет министров рассматривал дело заявителя на каждом из его ежеквартальных заседаний по вопросам прав человека (см. ниже § 100). С июня 2016 года Комитет министров решил рассматривать дело заявителя на своих обычных ежемесячных заседаниях, продолжая также рассматривать его и на заседаниях по вопросам прав человека².

(b) Информация, предоставленная Комитету министров

49. С декабря 2014 года по декабрь 2016 года Комитет министров получил 19 сообщений от заявителя о мерах индивидуального характера, принятых по его делу и предоставленных согласно правилу 9 Регламента Комитета министров (см. ниже §§ 89 и 93), примерно по одному сообщению каждые две недели. Заявитель обжаловал факт продолжения его содержания под стражей, утверждая, что первое Постановление по его делу не было исполнено и его не освободили. Суды Азербайджана также не приняли во внимание выводы Европейского Суда при возобновлении производства по делу заявителя, а также что суды Азербайджана рассматривали дело чрезмерно длительно. Заявитель также утверждал, что во время содержания под стражей он подвергался нападениям и жестокому обращению и что членам его семьи угрожали.

50. В дополнение к первоначальному плану действий, представленному 26 ноября 2014 г. (см. выше § 40), власти Азербайджана за этот период направили три сообщения в Комитет министров

¹ *Sine die* (лат.) – на неопределенный срок (примеч. переводчика).

² Краткое изложение процесса исполнения Постановления изложено в презентации дела на 1273-м заседании Комитета министров по вопросам прав человека (6–8 декабря 2016 г.) (см. CM/Notes/1273/Item H46–3) (примеч. Секретариата Суда).

в соответствии с правилом 8 Регламента Комитета министров (см. ниже § 92), и отвечая на доводы заявителя. 15 декабря 2014 г. (см. DH-DD(2014)1521) и 5 августа 2015 г. (см. DD(2015)780) власти Азербайджана предоставили информацию о том, что состояние здоровья заявителя было удовлетворительным. 7 марта 2016 г. (см. DH-DD(2016)261) власти государства-ответчика указали, что внутригосударственное законодательство обязывало обеспечить присутствие заявителя на слушаниях по его делу и поэтому его перевозили в Шекинский апелляционный суд.

51. Согласно правилу 9 Регламента Комитета министров (см. ниже § 93) 26 ноября 2014 г. неправительственная организация «Свобода сейчас» (*Freedom Now*) представила обращение в Комитет министров (см. DH-DD(2015)844). Она утверждала, что власти Азербайджана не исполнили первое Постановление по делу Маммадова, поскольку они не освободили заявителя из-под стражи, не прекратили производство по уголовному делу в отношении него и не представили рабочего плана по искоренению преследований по политическим убеждениям. Неправительственная организация «Свобода сейчас» призвала Комитет министров инициировать производство в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции.

52. Две неправительственные организации, Хельсинкский фонд прав человека и Публичная ассоциация помощи свободной экономике (*Free Economy*), представили совместное обращение от 6 марта 2015 г. (см. DH-DD(2015)264). Они критиковали содержание плана действий властей Азербайджана от 2014 года (см. выше § 40) и, ссылаясь на другие жалобы, поданные в Европейский Суд против властей Азербайджана, подчеркивали тенденцию увеличения случаев применения уголовного закона для преследования лиц, осуществлявших свое право на свободу выражения мнения.

*(с) Решения и промежуточные резолюции
Комитета министров в данный период*

53. Рассмотрев это дело на девяти своих заседаниях, вплоть до декабря 2016 года, Комитет министров принял три промежуточные резолюции и шесть решений (по одному на каждом из заседаний по вопросам прав человека, когда дело заявителя рассматривалось, а промежуточная резолюция не выносилась).

54. Во всех этих документах выражалось настойчивое пожелание Комитета министров о том, чтобы заявитель был незамедлительно освобожден из-под стражи и чтобы была предоставлена информация по мерам общего характера по исполнению соответствующего постановления. Используемые Комитетом министров формулировки текста свидетельствуют о растущей озабоченности тем фактом, что заявитель оставался

под стражей, несмотря на неоднократные призывы к его освобождению.

55. Комитет министров адресовал свои сомнения сначала властям Азербайджана в целом, а затем высшим органам государственной власти Азербайджана. Начиная с 1236-го заседания по вопросам прав человека (24 сентября 2015 г.) Комитет министров призывал Совет Европы в целом и отдельных государств-членов использовать все доступные меры для обеспечения выполнения властями Азербайджана своих обязательств по первому Постановлению по делу Маммадова.

56. Комитет министров также указал, что он использует все средства, находящиеся в распоряжении организации, включая меры, предусмотренные пунктом 4 статьи 46 Конвенции (см. ниже § 58).

57. Последняя за этот период промежуточная Резолюция была принята на 1259-м заседании по вопросам прав человека (7–9 июня 2016 г.) (см. CM/Res/DH(2016)144). В ней говорилось следующее:

«Комитет министров, действуя в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, который устанавливает, что Комитет министров осуществляет надзор за исполнением вступивших в силу постановлений Европейского Суда по правам человека,

выражая глубокое сожаление тем, несмотря на выводы Европейского Суда о существенных нарушениях при производстве по уголовному делу заявителя и на неоднократные призывы Комитета министров, заявитель всё еще не освобожден из-под стражи,

напоминая, что недопустимо, чтобы в государстве, руководствующемся принципом верховенства права, лицо продолжало содержаться под стражей на основании процедур, инициированных с нарушениями положений Конвенции, с целью наказания за критику властей,

напоминая, что обязанность исполнять постановления Европейского Суда является безусловной,

настаивает, чтобы высшие компетентные органы государственной власти Азербайджана приняли все необходимые меры для обеспечения безотлагательного освобождения заявителя из-под стражи,

заявляет о решительном намерении Комитета министров обеспечить с использованием всех доступных организации средств выполнение властями Азербайджана своих обязанностей по Постановлению по делу заявителя,

решает ввиду изложенного рассматривать ситуацию заявителя на каждом из своих регулярных заседаний Комитета министров Совета Европы по вопросам прав человека, пока заявитель не будет освобожден из-под стражи».

58. Заключительное решение за этот период было принято на 1273-м заседании по вопросам прав человека (6–8 декабря 2016 г.), и в нем говорилось следующее:

«Члены Комитета министров Совета Европы:

- 1) *отмечая* с крайней озабоченностью, что более чем через два года после вступления в силу Постановления Европейского Суда¹ и, несмотря на неоднократные обращения Комитета министров и Генерального секретаря к властям государства-ответчика с требованием освободить заявителя из-под стражи, заявитель еще не освобожден,
- 2) *напоминая* предыдущие решения и промежуточные резолюции Комитета министров, особенно неоднократные призывы Комитета министров незамедлительно освободить заявителя из-под стражи,
- 3) *крайне сожалея*, что производство по уголовному делу в отношении заявителя было завершено 18 ноября 2016 г. Верховным судом Азербайджана без учета последствий установления Европейским Судом нарушений, в частности, статьи 18 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьёй 5 Конвенции,
- 4) *твердо повторили*, что неприемлемо, чтобы в государстве, руководствующемся принципом верховенства права, человек оставался бы под стражей на основании разбирательства, проведенного с нарушением положений Конвенции и с целью наказать лицо за критику властей, и что, как следствие, длящееся произвольное содержание заявителя под стражей является явным нарушением обязательств, предусмотренных пунктом 1 статьи 46 Конвенции,
- 5) *подтвердили* свое намерение обеспечить исполнение Постановления по делу заявителя путем активного применения всех средств, доступных Организации, включая пункт 4 статьи 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод,
- 6) в заключение *выразили* глубокую озабоченность отсутствием какой-либо информации от властей государства-ответчика относительно мер общего характера, принятых или запланированных для предотвращения нарушений закона путем злоупотребления полномочиями того вида, которое было установлено в Постановлении Европейского Суда по делу заявителя; в этом отношении они призвали власти Азербайджана вступить в содержательный диалог с Комитетом министров...».

3. Производство в 2017 году

59. Осуществляя свои полномочия согласно статье 52 Конвенции, Генеральный секретарь Совета Европы назначил представителя для посещения г. Баку. 11 января 2017 г. этот представитель присутствовал на встречах в Верховном суде Азербайджана, Генеральной прокуратуре, Министерстве юстиции Азербайджана и Администрации Президента Азербайджана, на которых обсуждались вопросы исполнения Постановления Европейского Суда.

60. 10 февраля 2017 г. Президент Азербайджана подписал исполнительный ордер. Согласно иссле-

дованию Секретариата Комитета министров на 1280-м заседании по вопросам прав человека (7–10 марта 2017 г.) (CM/Notes/1280/H46–2) в ордере указывалось на принятие ряда мер. Среди прочего, предусматривалось применение мер в отношении:

«...предупреждения произвольных задержаний; либерализации криминальной политики; обязанности “строго соблюдать принципы уголовного права и общие основания постановления приговоров”; устранение “непроцессуальных отношений во время рассмотрения уголовного дела и исполнения наказания”; или применение более строгих мер для противодействия открытому злоупотреблению полномочиями. Исполнительный ордер также предусматривал разработку в течение двух месяцев проектов законов о декриминализации определенных деяний, в частности, в экономической сфере, более активно использовать альтернативные меры по сравнению с лишением свободы и “более широко применять замены оставшейся части наказания в виде лишения свободы более легким наказанием, условно-досрочным освобождением и приговором с отсрочкой исполнения”. Также внутригосударственным судам было рекомендовано изучить вопрос о наличии обоснованного подозрения в том, что лицо совершило преступление, и об основаниях для задержания при принятии решения о мере пресечения, а также рассмотреть доводы в пользу альтернативных мер пресечения. Кроме того, Верховному суду Азербайджана было рекомендовало обеспечить длящийся анализ прецедентной практики по вопросам задержания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу и выработать справедливую прецедентную практику в этой области».

61. На 1280-м заседании Комитет министров принял следующее решение:

«1) *напоминая* предыдущие решения и промежуточные резолюции Комитета министров, призывающие незамедлительно освободить заявителя из-под стражи, и, в частности, решение от декабря 2016 года, подтверждающее намерение Комитета министров обеспечить исполнение Постановления путем активного использования всех средств, доступных Организации,

2) *повторяя* свою крайнюю озабоченность тем фактом, что заявитель еще находится под стражей,

3) *с интересом принимая во внимание* в этом отношении обязательство властей Азербайджана рассмотреть все способы решения проблемы, обсужденные в ходе визита представителя Генерального секретаря, для исполнения Постановления по делу заявителя, а также исполнительный ордер Президента Азербайджана, в котором предусмотрены многообещающие меры по исполнению рассматриваемого Постановления,

4) *предложил* властям Азербайджана информировать Комитет министров о конкретных мерах, предпринимаемых на основании указанного исполнительного ордера, в частности, о тех, которые позволяют незамедлительно освободить заявителя из-под стражи,

¹ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду первое Постановление по делу Маммадова (примеч. редактора).

5) отметил информацию, поступившую в ходе встреч с властями Азербайджана, о том, что в декабре 2015 года заявителю была выплачена справедливая компенсация... и предложил властям Азербайджана подтвердить эту информацию письменно...».

62. На 1288-м заседании по вопросам прав человека (6–7 июня 2017 г.) Комитет министров принял решение, в котором были воспроизведены условия решений предыдущих заседаний, содержался призыв к незамедлительному «безусловному» освобождению заявителя из-под стражи и к безотлагательному осуществлению мер, изложенных в исполнительном порядке.

63. Комитет министров рассмотрел дело на 1293-м (обычном) заседании (13 сентября 2017 г.). На этом заседании Генеральный секретарь Совета Европы призвал Комитет министров, если ситуация с заявителем останется неизменной, инициировать процедуру, предусмотренную пунктом 4 статьи 46 Конвенции.

64. Затем Комитет министров рассмотрел дело заявителя на своем 1294-м заседании по вопросам прав человека (19–21 сентября 2017 г.). Он отметил предоставленную властями Азербайджана 6 сентября 2017 г. информацию (DH-DD(2017)951) о том, что в парламент были внесены проекты закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Азербайджана в соответствии с положениями исполнительного порядка и что власти Азербайджана полагали, что не было срочной необходимости в принятии этих реформ, однако изменения могли быть внесены в ходе осенней парламентской сессии. В ответ на вопрос Комитет министров, помогут ли эти изменения заявителю, власти государства-ответчика указали на свою позицию, в соответствии с которой выводы Европейского Суда о нарушении Конвенции в первом Постановлении по делу Маммадова касались досудебного этапа производства по делу, а вторая находящаяся еще на рассмотрении жалоба затрагивала уголовное судопроизводство. Власти Азербайджана уведомили Комитет министров о том, что изменения в законодательстве страны помогут предотвратить аналогичные нарушения в будущем.

65. Учитывая заявление Генерального секретаря, Комитет министров принял на указанном заседании решение, в котором воспроизводились пункты решений, принятых в марте и июне 2017 года (см. выше §§ 60–62).

66. На заседании 25 октября 2017 г. с учетом отсутствия дальнейших изменений по делу заявителя Комитет министров принял четвертую промежуточную Резолюцию, в которой власти Азербайджана официально уведомлялись о том, что они не выполнили свои обязательства (см. CM/ResDH(2017)379).

67. В заключение на 1302-м заседании по вопросам прав человека (5–7 декабря 2017 г.) Коми-

тет министров принял пятую промежуточную Резолюцию (CM/ResDH(2017)429), которая инициировала процедуру, предусмотренную пунктом 4 статьи 46 Конвенции:

«Вновь напоминая:

а) что в вышеупомянутом Постановлении Европейский Суд установил не только нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку не было представлено фактов или информации, которые обосновывали бы подозрение, оправдывающее предъявление заявителю обвинения или его задержание и содержание под стражей в рамках избранной меры пресечения, но и нарушение статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции, поскольку действительной целью рассматриваемых мер являлось заставить заявителя или наказать его за критику властей;

б) что обязательство властей государства-ответчика, предусмотренное пунктом 1 статьи 46 Конвенции, исполнять все вступившие в силу постановления по делам против этого государства, и это обязательство влечет, помимо обязанности выплатить присужденную Европейским Судом справедливую компенсацию, принятие властями государства-ответчика при необходимости мер индивидуального характера, для прекращения установленных нарушений и устранения их последствий, чтобы достичь, насколько это возможно, *restitutio in integrum*;

с) о требовании Комитета министров, озвученном на первом рассмотрении дела 4 декабря 2014 г., о принятии мер индивидуального характера, необходимых в свете рассматриваемого Постановления для обеспечения безотлагательного освобождения заявителя из-под стражи;

д) о последующих многочисленных решениях и промежуточных резолюциях Комитета министров, отмечающих существенные нарушения при рассмотрении уголовного дела заявителя, раскрытых в выводах Европейского Суда о нарушении статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции и призывающих к безотлагательному и безусловному освобождению заявителя из-под стражи;

е) что рассмотрение уголовного дела в отношении заявителя было завершено Верховным судом Азербайджана 18 ноября 2016 г. без учета последствий нарушений, установленных Европейским Судом, в частности, нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции;

ф) что на протяжении трех лет после вступления Постановления в силу заявитель остается под стражей на основании процедуры, имеющей ряд нарушений,

полагает, что при таких обстоятельствах, не обеспечив безусловное освобождение заявителя из-под стражи, власти Азербайджана отказываются исполнить Постановление Европейского Суда,

решает передать на рассмотрение Европейского Суда в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции вопрос о том, выполнили ли власти государства-ответчика свои обязательства согласно пункту 1 статьи 46 Конвенции...».

68. Согласно Регламенту Комитета министров (см. ниже § 94) мнение властей Азербайджана было включено в приложение к резолюции (см. Приложение). Власти Азербайджана перечислили меры, принятые во исполнение Постановления Европейского Суда. В отношении мер индивидуального характера они подтвердили выплату справедливой компенсации, присужденной Европейским Судом. Власти Азербайджана также сообщили, что 29 апреля 2016 г. Шекинский апелляционный суд завершил рассмотрение жалобы заявителя и при этом тщательно проанализировал выводы Европейского Суда и первого Постановления по делу Маммадова и исправил процессуальные нарушения, выявленные при вынесении обвинительного приговора по делу заявителя.

69. Что касается мер общего характера, власти Азербайджана сослались на исполнительный ордер, представленный в Комитет министров в ходе процедуры по осуществлению надзора в 2017 году (см. выше § 60). Они также подтвердили принятие Национальным собранием (Милли Меджлис) 20 октября 2017 г. Закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Азербайджана, которыми были декриминализованы определенные деяния и предоставлена возможность для лиц, осужденных за тяжкие преступления, обратиться за условно-досрочным освобождением по отбытии двух третей срока наказания.

70. Власти Азербайджана также сообщили, что они приняли необходимые меры для исполнения Постановления Европейского Суда.

4. События после передачи дела заявителя Комитетом министров в Европейский Суд согласно пункту 4 статьи 46 Конвенции

71. 14 августа 2018 г. власти Азербайджана письмом сообщили Комитету министров о решении Шекинского апелляционного суда и об освобождении заявителя из-под стражи 13 августа 2018 г. (см. выше §§ 28–32). 28 августа 2018 г. Комитет министров направил ответ властям Азербайджана, задав им ряд вопросов о фактических и процессуальных изменениях по делу заявителя. В ответ власти Азербайджана представили меморандум, на который заявитель также представил свои замечания (см. документы DH-DD(2018)816 и DH-DD(2018)891).

72. Комитет министров рассмотрел первое и второе Постановления по делам Маммадова совместно в свете указанных выше документов на своем 1324-м заседании по вопросам прав человека 18–20 сентября 2018 г., а затем – первое Постановление по делу Маммадова на 1325-м обычном заседании 26 сентября 2018 г. На указанных заседаниях Комитет министров не принял каких-либо решений, относящихся к делам заявителя.

73. Согласно информации, предоставленной властями Азербайджана, 28 марта 2019 г. Верховный суд Азербайджана вынес решение по кассационной жалобе заявителя на решение апелляционного суда. Верховный суд Азербайджана частично удовлетворил жалобу и изменил решение Шекинского апелляционного суда от 13 августа 2018 года. Верховный суд Азербайджана снизил совокупный срок назначенного заявителю наказания до пяти лет, шести месяцев и девяти дней лишения свободы. С учетом периода, уже проведенного заявителем под стражей, Верховный суд Азербайджана посчитал наказание полностью отбытым. Он также отменил двухлетнее условное наказание, назначенное Шекинским апелляционным судом, сняв, таким образом, примененные к заявителю ограничения (см. выше §§ 31–32), включая обязанность сообщать о себе в Управление по надзору за исполнением условных наказаний, а также ограничения, связанные с местом проживания и перемещениями.

D. ВТОРОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ МАММАДОВА

74. 19 декабря 2014 г. заявитель подал в Европейский Суд вторую жалобу, сообщая о нарушениях Конвенции, связанных с проведением судебного разбирательства по его делу и постановлением приговора после содержания под стражей в рамках избранной ему меры пресечения, которую Европейский Суд уже рассматривал в первом Постановлении по делу Маммадова (см. выше §§ 19–27).

75. Во втором Постановлении по делу Маммадова, приведенном выше, Европейский Суд установил нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с проведением судебного разбирательства по делу заявителя и вынесением ему приговора. Эти события также были рассмотрены Комитетом министров в рамках осуществления надзора по первому Постановлению по делу Маммадова (см. выше §§ 45–48).

76. Во втором Постановлении по делу Маммадова от 16 ноября 2017 г. после того, как Комитет министров направил властям Азербайджана официальное уведомление относительно первого Постановления по делу Маммадова (см. выше § 66), Европейский Суд сначала подробно проанализировал пределы рассмотрения второго дела, указав следующее:

«202. Пределы рассмотрения [первого] Постановления по делу Ильгара Маммадова были ограничены, *inter alia*, вопросами соответствия подпункту “с” пункта 1 и пункту 4 статьи 5 Конвенции и статье 18 Конвенции факта содержания заявителя под стражей до суда. Однако в данном деле Европейский Суд призван рассмотреть другой этап юридических процедур: а именно было ли судебное разбирательство по делу заявителя в целом справедливым, как того требует статья 6 Конвенции.

203. Хотя подлежащие рассмотрению вопросы и правовые стандарты, применимые согласно статье 6 Конвенции, отличаются, обе жалобы заявителя касаются одного и того же внутригосударственного уголовного дела против заявителя, включающего одни и те же обвинения, вытекающие из одних и тех же событий. Как Европейский Суд постановил в первом деле Маммадова, в ходе предварительного следствия обвинение в адрес заявителя *prima facie* не отвечало требованию убедительности. В частности, Европейский Суд подчеркнул тот факт, что заявителя обвиняли в том, что он прибыл в г. Исмаиллы на следующий день после спонтанных и неорганизованных «актов вандализма» и что в течение всего двух часов его пребывания в городе заявитель смог в значительной степени получить контроль над ситуацией, превратить дезорганизованные беспорядки в «организованные акты» неповиновения, стать лидером протестующих, которых он раньше не знал и которые уже вышли на улицы без участия заявителя, и прямо обусловил все дальнейшие акты неповиновения со стороны жителей города. Как уже отмечалось, отсутствие достоверности в обвинениях в совокупности с отношением властей к политической деятельности заявителя требовало тщательного анализа фактов. Обстоятельства, на которых были основаны предыдущие выводы Европейского Суда, не изменились в настоящем деле. Следовательно, Европейский Суд продолжит рассматривать, руководствуясь статьей 6 Конвенции, был ли этот недостаток компенсирован представленными в суде доказательствами и причинами, указанными внутригосударственными судами».

77. Далее в отношении статьи 6 Конвенции Европейский Суд установил следующее:

«237. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд полагает, что права заявителя на обоснованное судебное решение и на допрос свидетелей были нарушены. Приговор по делу заявителя был основан на имеющихся недостатках или искаженных доказательствах, и возражения заявителя в этом отношении не были надлежащим образом рассмотрены. Доказательства в пользу заявителя систематически отклонялись без достаточных оснований или явно необоснованным образом. Даже при том, что один раз дело возвращалось на новое рассмотрение Верховным судом Азербайджана и была сделана попытка рассмотреть некоторые требования и возражения со стороны защиты, в итоге ни один из указанных выше недостатков исправлен не был. Изложенные выводы являются достаточными для того, чтобы установить, что уголовное дело в отношении заявителя в целом не соответствовало гарантиям справедливого судебного разбирательства».

78. Что касается жалобы заявителя на нарушение статьи 18 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 6 Конвенции, во втором Постановлении по делу Маммадова Европейский Суд указал следующее:

«260. Европейский Суд напоминает, что он уже постановил в первом деле Маммадова (упоминавшемся выше, §§ 142–143), что ограничение свободы заявителя до постановления приговора, который является центральным моментом настоящего дела, было применено с иными целями, чем доста-

вить заявителя к компетентному органу власти на основании обоснованного подозрения в том, что заявитель совершил преступление. Это позволило Европейскому Суду в настоящем деле сделать вывод о нарушении статьи 18 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 5 Конвенции...

261. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что вопрос о том, содержит ли статья 6 Конвенции прямые или косвенные ограничения, которые могут стать предметом рассмотрения Европейского Суда согласно статье 18 Конвенции, остается открытым...

262. Принимая во внимание вышеизложенное и также учитывая доводы сторон и выводы относительно пункта 1 статьи 6 Конвенции, Европейский Суд полагает, что в настоящем деле отсутствует необходимость выносить отдельное решение относительно статьи 18 Конвенции (см. для сравнения Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Общественная организация “Центр правовых ресурсов” в интересах Валентина Кэмпееану против Румынии» (Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania), жалоба № 47848/08¹, ECHR 2014, § 156, с дальнейшими ссылками)».

79. Что касается оставшихся вопросов, Европейский Суд установил, что жалобы заявителя на нарушения статей 6 и 13 Конвенции в связи с длительностью производства по делу и на нарушение статьи 17 Конвенции являлись неприемлемыми для рассмотрения по существу. Европейский Суд пришел к выводу, что отсутствовала необходимость рассматривать отдельно вопрос о приемлемости жалоб или их по существу на нарушения статей 13 и 14 Конвенции или статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 6 Конвенции.

80. Согласно статье 41 Конвенции Европейский Суд присудил заявителю 10 000 евро в качестве компенсации любого причиненного ему морально-го вреда (см. *ibid.*, § 269).

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

А. СТАТЬИ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ ЗА МЕЖДУНАРОДНО-ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЯНИЯ

81. После объемной работы, проводимой несколько десятилетий над правовыми принципами ответственности государств, изложенными в проекте статей Комиссии международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния, в 2001 году Комиссия международного права приняла указанные статьи, которые стали известны как Статьи Комиссии международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 12 (примеч. редактора).

(ARSIWA) (далее – Статьи). Комиссия международного права представила текст Статей Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее – ООН) в отчете, к которому прилагались комментарии к Статьям¹.

82. Генеральная Ассамблея ООН неоднократно рассматривала Статьи начиная с 2001 года. На 71-м заседании Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН 19 декабря 2016 г. принял Резолюцию № 71/133, в которой признал растущее количество постановлений международных судов, трибуналов и иных аналогичных органов, а также продолжил признавать их значимость и пользу.

83. В Статьях сформулированы общие условия, при которых согласно международному праву государство может считаться ответственным за противоправные действия и бездействие и соответствующие правовые последствия. Относительно применимости Статей в подпункте «b» пункта 4 в Общем комментарии к нему указывается следующее:

«...Также Статьи не распространяются на такие косвенные или дополнительные последствия, которые могут следовать из реакции международных организаций на неправомерные деяния. При осуществлении своих функций у международных организаций может возникать необходимость занять определенную позицию по вопросу о том, нарушило ли государство международные обязательства. Но даже в случае, если это так, последствия будут таковыми, которые определяются пределами, установленными учредительными документами организации (или в этих пределах), а это выходит за пределы юрисдикции Статей».

84. Статья 30 рассматриваемого документа, касающаяся прекращения и неповторения деяния, звучит следующим образом:

«Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано:

- а) прекратить это деяние, если оно продолжается;
- б) предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства».

85. Статья 31 рассматриваемого документа, озаглавленная «Возмещение», гласит следующее:

«1. Ответственное государство обязано предоставить полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием.

2. Вред включает любой ущерб, материальный или моральный, нанесенный международно-противоправным деянием государства».

86. Согласно комментариям к указанной статье для толкования этих положений следует использовать ряд принципов международного права:

¹ Текст Статей и комментариев к ним см.: Отчет Комиссии международного права о работе 53-й сессии, официальные записи Генеральной Ассамблеи ООН, 56-е заседание (дополнение № 10 (A/56/10), главы IV.E.1 и IV.E.2, с. 46 и 133–145). Текст Статей приложен к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. № 56/83 и исправлен документом A/56/49 (том I)/Corr4. (примеч. Секретариата Суда).

«(9) Пункт 2 касается дополнительного вопроса, а именно вопроса о наличии причинно-следственной связи между международно-противоправным деянием и ущербом. Полное возмещение должно предоставляться только за “ущерб... причиненный международно-противоправным деянием государства”. Это выражение использовано для того, чтобы четко дать понять, что предметом возмещения в целом является ущерб, вытекающий и связанный с противоправным деянием, а не какие-либо или все обстоятельства, вытекающие из международно-противоправного деяния.

(10) Установление связи между ущербом или потерями и противоправным деянием в принципе является юридическим, а не только историческим или причинно-следственным процессом [...] Однако другие факторы также могут иметь значение. Например, умышленно ли органы государственной власти причинили рассматриваемый ущерб или он был причинен в пределах действия нарушенного правила с учетом достижения цели этого правила. Иными словами, наличие причинно-следственной связи не является одним и тем же требованием применительно к каждому нарушению международно-обязательства². В международном, как и во внутригосударственном праве вопрос о взаимосвязи с ущербом “не является частью юридической проблемы, которая может быть удовлетворительно решена путем поиска единой вербальной формулы”. Понятие достаточной причинной связи, которое не является слишком отдаленным, содержится в общем требовании статьи 31 о том, что ущерб должен следовать из противоправного деяния, но без дополнительных уточняющих понятий.

(11) Дополнительным элементом, влияющим на пределы возмещения ущерба, является вопрос об уменьшении взыскиваемой суммы. Даже от полностью невиновной жертвы нарушения ожидается, что он/она будет действовать разумно, когда столкнется с ущербом. Хотя часто называемая “обязанностью снижения” эта обязанность не является юридической, которая сама по себе влечет ответственность. Скорее, отсутствие со стороны потерпевшей усилий по уменьшению вреда может помешать возмещению в такой степени...».

87. Статья 32 рассматриваемого документа озаглавлена «Недопустимость ссылки на внутригосударственное право» и гласит следующее:

«Ответственное государство не может ссылаться на положения своего внутригосударственного права в качестве оправдания для невыполнения своих обязательств в соответствии с настоящей частью».

88. Статьи с 34 по 37 рассматриваемого документа посвящены составным элементам возмещения ущерба (реституции, компенсации и сатисфакции):

«Статья 34. Формы возмещения

Полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием, осуществляется в форме реституции, компенсации и сатис-

² Это предложение отсутствует во французском тексте комментариев (примеч. Секретариата Суда).

факции, будь то отдельно или в их сочетании, в соответствии с положениями настоящей главы.

Статья 35. Реституция

Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано осуществить реституцию, то есть восстановить положение, которое существовало до совершения противоправного деяния, если и в той мере, в какой реституция:

- а) не является материально невозможной;
- б) не влечет за собой бремя, которое совершенно непропорционально выгоде от получения реституции вместо компенсации.

Комментарий

1. Согласно статье 34 реституция является первой формой возмещения ущерба, доступной государству, пострадавшему от международно-противоправного деяния. Реституция включает в себя восстановление, насколько это возможно, ситуации, которая существовала до совершения международно-противоправного деяния в той степени, в которой любые изменения, произошедшие в этой ситуации, можно отследить до совершенного деяния. В наиболее простом изложении это включает такие действия, как освобождение лиц, незаконно заключенных под стражу, или возвращение незаконно изъятых имущества. В других случаях реституция может включать в себя более сложные действия...

Статья 36. Компенсация

- 1. Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано компенсировать ущерб, причиненный таким деянием, насколько такой ущерб не возмещается реституцией.
- 2. Компенсация охватывает любой исчислимый в финансовом выражении ущерб, включая упущенную выгоду, насколько она установлена.

Статья 37. Сатисфакция

- 1. Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано предоставить сатисфакцию за вред, причиненный данным деянием, насколько он не может быть возмещен реституцией или компенсацией.
- 2. Сатисфакция может заключаться в признании нарушения, выражении сожаления, официальном извинении или выражаться в иной подобающей форме.
- 3. Сатисфакция не должна быть непропорциональна вреду и не может принимать формы унижительной для ответственного государства».

В. НАДЗОР КОМИТЕТА МИНИСТРОВ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

89. Комитет министров, который является исполнительным органом Совета Европы, осуществляет надзор за исполнением постановлений Европейского Суда согласно статье 46 Конвенции. С этой целью Комитет министров принял свой

Регламент о порядке контроля за исполнением постановлений Европейского Суда и условий мировых соглашений, отражающий принципы государственной ответственности в международном праве. Комитет министров также издал ряд практических руководств, которые регулируют его ежедневную работу.

1. Регламент Комитета министров

90. 10 мая 2006 г. на своем 964-м заседании Комитет министров принял Регламент о порядке контроля за исполнением постановлений Европейского Суда (позднее измененный 18 января 2017 г. на 1275-м заседании Комитета).

91. Правило 6 Регламента Комитета министров гласит следующее:

«Информирование Комитета министров об исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека

1. Если в постановлении, направленном в Комитет министров в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции, Европейский Суд пришел к выводу, что по делу имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и/или Европейский Суд присудил справедливую компенсацию потерпевшей стороне на основании статьи 41 Конвенции, Комитет министров призывает заинтересованную Высокую Договаривающуюся Сторону проинформировать его о мерах, которые Высокая Договаривающаяся Сторона приняла или намеревается принять по результатам вынесения постановления Европейского Суда с учетом ее обязательства исполнить такое постановление, предусмотренного пунктом 1 статьи 46 Конвенции.

2. Осуществляя контроль за исполнением постановления Высокой Договаривающейся Стороной в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции, Комитет министров рассматривает следующие вопросы:

а) была ли выплачена сумма справедливой компенсации, присужденной Европейским Судом, включающая в соответствующих случаях денежную сумму, равную процентной ставке, начисленной за просрочку платежа, и

б) при необходимости с учетом свободы усмотрения Высокой Договаривающейся Стороны в выборе средств, необходимых для исполнения постановления Европейского Суда:

и) были ли приняты меры индивидуального характера¹ в целях прекращения нарушения прав человека и для того, чтобы потерпевшая сторона была, насколько это возможно, восстановлена в том

¹ Например, удаление необоснованного приговора по уголовному делу из баз данных, предоставление вида на жительство или возобновление соответствующих внутригосударственных процедур (относительно последнего вопроса см. Рекомендацию Комитета министров Совета Европы № Rec(2000)2 государствам-членам «О пересмотре или возобновлении определенных дел на внутригосударственном уровне после вынесения постановлений Европейского Суда», принятую 19 января 2000 г. на 694-м заседании Комитета министров).

положении, в котором она была до того, как произошло нарушение Конвенции;

ii) были ли приняты меры общего характера¹ в целях предупреждения новых нарушений прав человека, схожих с нарушением (нарушениями), установленным (и) по делу, или в целях прекращения длящегося нарушения прав человека».

92. Правило 8 Регламента Комитета министров говорит о доступе к информации, предоставленной в ходе осуществления надзора:

«Доступ к информации

1. Положения данного правила не затрагивают закрытый характер заседаний Комитета министров, предусмотренный статьей 21 Устава Совета Европы.

2. Если Комитет министров не примет иного решения в целях защиты законных общественных или частных интересов, следующая информация является общедоступной:

а) информация и относящиеся к ней документы, представленные Комитету министров Высокой Договаривающейся Стороной в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции;

б) информация и относящиеся к ней документы, представленные Комитету министров в соответствии с настоящим регламентом потерпевшей стороной, общественными организациями или национальными учреждениями, занимающимися вопросами развития прав человека и их защиты...».

93. Правило 9 Регламента Комитета министров позволяет обращаться в Комитет министров индивидуальным заявителям, неправительственным организациям и другим органам, исполняющим постановления. В правиле 9 Регламента Комитета министров предусматривается следующее:

«Информация, поступившая в Комитет министров

1. Комитет министров рассматривает любую поступившую от потерпевшей стороны информацию относительно выплаты справедливой компенсации или принятия индивидуальных мер.

2. Комитет министров наделяется правом рассматривать любую информацию, поступившую от общественных организаций, а также от внутригосударственных учреждений, занимающихся вопросами развития прав человека и их защиты по вопросам исполнения постановлений Европейского Суда в силу пункта 2 статьи 46 Конвенции.

3. Комитет министров также наделяется правом рассматривать любое обращение от международной неправительственной организации или ее подразделения или представительства, чьи цели или действия включают в себя защиту и поддержку прав человека, определенных во Всеобщей декларации прав человека, в отноше-

нии вопросов, касающихся исполнения постановлений согласно пункту 2 статьи 46 Конвенции, относящихся к их компетенции.

4. Комитет министров также наделяется правом рассматривать любое обращение от учреждения или органа, которым позволено либо в силу права, либо по приглашению Европейского Суда вступить в производство в Европейском Суде относительно исполнения согласно пункту 2 статьи 46 Конвенции постановления либо во всех случаях (в отношении Совета Комиссара Совета Европы по правам человека) или в случаях, на которые распространяется санкция Европейского Суда (в отношении любого другого учреждения или органа).

5. Секретариат Комитета министров доводит соответствующим образом до Комитета министров любую информацию, полученную в соответствии с пунктом 1 настоящего правила.

6. Секретариат Комитета министров доводит до соответствующего государства любую информацию, полученную в соответствии с пунктами 2–4 настоящего правила. Если государство отвечает в течение пяти рабочих дней, и информация, и ответ доводятся до Комитета министров и публикуются. Если в течение указанного срока ответ не поступает, информация передается в Комитет министров, но не публикуется. Информация публикуется через десять рабочих дней после уведомления вместе с любым ответом, полученным в течение этого срока. Ответ государства, полученный по истечении указанных десяти рабочих дней, обрабатывается и публикуется отдельно».

94. В правиле 11 Регламента Комитета министров изложена предусмотренная пунктом 4 статьи 46 Конвенции процедура, применяемая при нарушении государством своих обязательств:

«Производство по делу о нарушении Высокой Договаривающейся Стороной своих обязательств

1. Если в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции Комитет министров считает, что Высокая Договаривающаяся Сторона отказывается исполнить окончательное постановление Суда по делу, по которому она является стороной, он может, официально известив эту Высокую Договаривающуюся Сторону, своим решением, принятым большинством в две трети голосов представителей, имеющих право заседать в Комитете министров, передать на рассмотрение в Европейский Суд вопрос о том, не нарушила ли данная Высокая Договаривающаяся Сторона свое обязательство.

2. Производство по делу о нарушении Высокой Договаривающейся Стороной своих обязательств инициируется лишь при исключительных обстоятельствах. Оно может быть инициировано лишь тогда, когда заинтересованная Высокая Договаривающаяся Сторона получит официальное извещение о намерении Комитета министров открыть такое производство. Официальное уведомление Высокой Договаривающейся Стороны должно быть сделано не позднее, чем за шесть месяцев до начала производства, если только Комитет министров не примет иное решение, и быть оформлено в виде промежуточной резо-

¹ Например, внесение поправок в законы или иные нормативные акты, изменения судебной или административной практики, публикация постановления Европейского Суда на языке государства-ответчика и распространение его текста среди соответствующих органов государственной власти.

люции. Такая резолюция принимается большинством голосов в две трети голосов представителей, имеющих право заседать в Комитете министров.

3. Решение об обращении в Европейский Суд имеет форму промежуточной резолюции Комитета министров. Она должна быть мотивированной и в сжатой форме отражать позицию соответствующей Высокой Договаривающейся Стороны.

4. Представительство Комитета министров в Европейском Суде осуществляется председателем Комитета министров, если только Комитет министров не примет решение о другой форме представительства. Соответствующее решение принимается большинством голосов в две трети голосов представителей, принимающих участие в голосовании, и большинством голосов представителей, имеющих право заседать в Комитете министров».

95. Правило 16 Регламента Комитета министров касается принятия промежуточной резолюции в ходе осуществления надзора и предполагаемой цели этих резолюций:

«Промежуточные резолюции

В процессе исполнения постановления или условий мирового соглашения Комитет министров вправе принимать промежуточные резолюции, особенно, чтобы представить информацию о продвижении процесса исполнения или, если необходимо, выразить обеспокоенность и/или представить предложения относительно исполнения».

96. В правиле 17 Регламента Комитета министров говорится следующее:

«Окончательная резолюция

После того, Комитет министров убедится в том, что заинтересованная Высокая Договаривающаяся Сторона приняла все необходимые меры по исполнению постановления или условий мирового соглашения, Комитет министров принимает резолюцию, заключив, что государство выполнило свои функции в соответствии с пунктом 2 статьи 46 или пунктом 4 статьи 39 Конвенции».

2. Процедуры Комитета министров Совета Европы

97. Процедура осуществления надзора за исполнением постановлений Европейского Суда была утверждена Комитетом министров в 2010 году (см. информационный документ CM/Inf/DH(2010)37).

98. Эта процедура основывается на двух принципах. Первый заключается в «длящемся надзоре», означая, что все вступившие в силу постановления Европейского Суда находятся под надзором Комитета министров, пока Комитет министров не завершит процедуру надзора путем принятия окончательной резолюции (см. выше § 96).

99. Второй принцип заключается в расстановке приоритетов, осуществляемой через «двойной» подход Комитета министров. В соответствии с этим подходом все дела, постановления по которым подлежат исполнению, будут рассматриваться с позиции «стандартного надзора», если только вслед-

ствие особого характера не оправдывается его рассмотрение по процедуре «ускоренного надзора».

100. Применение этих двух принципов означает, что отсутствует необходимость включать каждое дело, находящееся на контроле Комитета министров, в повестку ежеквартальных заседаний по вопросам прав человека. Эти заседания посвящены надзору за исполнением постановлений Европейского Суда и проводятся в марте, июне, сентябре и декабре (в соответствии со статьей 3 Устава Совета Европы и статьей III.3 Регламента Комитета министров). Дела, находящиеся на исполнении, находятся под надзором Комитета министров, осуществляемым Секретариатом Комитета министров. В связи с этим ежеквартальные заседания Комитета министров посвящены меньшей части дел, которые рассматриваются по ускоренной процедуре и которые могут потребовать более активного вмешательства со стороны Комитета министров, таких как принятие решений и/или промежуточных резолюций, в последнем случае обычно после обсуждений и иногда голосования.

101. В рамках ускоренной процедуры могут рассматриваться постановления Европейского Суда, требующие срочного принятия мер индивидуального характера, пилотные постановления, постановления, затрагивающие системные и/или комплексные проблемы, указанные Европейским Судом или Комитетом министров, межгосударственные дела.

102. Чтобы позволить Комитету министров эффективно осуществлять надзор, власти государств-ответчиков должны представлять в Комитет министров планы действий и/или отчеты о действиях, чтобы информировать его о мерах, запланированных и/или принятых для исполнения постановления Европейского Суда (см. о правиле 6 выше § 91).

103. В отношении постановлений, рассматриваемых по ускоренной процедуре, Комитет министров наделяет свой Секретариат функцией более интенсивного и активного сотрудничества с государствами.

3. Практика Комитета министров Совета Европы

(а) Введение

104. В Европейский Суд относительно редко поступали жалобы на нарушение статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции (см. краткое изложение практики Европейского Суда в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (Merabishvili v. Georgia) от 28 ноября 2017 г., жалоба № 72508/13¹, §§ 264–282). На настоящий

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 10 (примеч. редактора).

момент есть восемь дел, в которых Европейский Суд установил данное нарушение, включая первое Постановление по делу Маммадова. Первым делом было «Гусинский против Российской Федерации» (Gusinskiy v. Russia) (жалоба № 70276/01¹, ECHR 2004-IV), затем Постановление Европейского Суда по делу «Чеботарь против Республики Молдова» (Cebotari v. Moldova) от 13 ноября 2007 г., жалоба № 35615/06, два дела против Украины, Постановления Европейского Суда по делам «Луценко против Украины» (Lutsenko v. Ukraine) от 3 июля 2012 г., жалоба № 6492/11, и «Тимошенко против Украины» (Tymoshenko v. Ukraine) от 30 апреля 2013 г., жалоба № 49872/11, далее последовали Постановление Европейского Суда по делу «Расул Джафаров против Азербайджана» (Rasul Jafarov v. Azerbaijan) от 17 марта 2016 г., жалоба № 69981/14, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии», Постановление Европейского Суда по делу «Мамедли против Азербайджана» (Mamedli v. Azerbaijan) от 19 апреля 2018 г., жалоба № 47145/14, и Постановление Европейского Суда по делу «Рашад Хасанов и другие против Азербайджана» (Rashad Hasanov and Others v. Azerbaijan) от 7 июня 2018 г., жалоба № 48653/13 и три другие жалобы.

105. Из восьми вышеназванных Постановлений три вступили в силу относительно недавно и еще не рассматривались Комитетом министров: «Мерабишвили против Грузии», «Мамедли против Азербайджана» и «Рашад Хасанов и другие против Азербайджана». Четыре из указанных Постановлений были рассмотрены Комитетом министров, и в отношении них осуществляется надзор: «Гусинский против Российской Федерации», «Луценко против Украины», «Тимошенко против Украины» и «Расул Джафаров против Азербайджана». В итоге Комитет министров завершил производство по одному из упоминавшихся выше дел, «Чеботарь против Республики Молдова». Обзор производства по осуществлению надзора за исполнением постановлений Европейского Суда приведен ниже.

(b) Постановления Европейского Суда, в которых установлено нарушение статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции и в отношении которых осуществляется надзор Комитетом министров

(i) Меры индивидуального характера

106. В четырех делах, в отношении которых осуществляется надзор и в которых было установлено нарушение статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции, Комитет министров рассмот-

рел три действия, осуществленные властями государства-ответчика в качестве мер индивидуально-го характера: выплата справедливой компенсации, устранение негативных последствий обжалуемого решения и освобождение заявителя из-под стражи после вынесения Постановления.

107. Комитет министров отметил, что выплата справедливой компенсации и освобождение заявителя из-под стражи были осуществлены в упоминавшихся выше Постановлениях Европейского Суда по делам «Луценко против Украины» (рассмотрено 4–6 июня 2013 г. на 1172-м заседании по вопросам прав человека 4–6 июня 2013 г.) и «Тимошенко против Украины» (рассмотрено 4–6 марта 2014 г. на 1193-м заседании по вопросам прав человека). В упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Гусинский против Российской Федерации» (рассмотрено 8–9 декабря 2015 г. на 1243-м заседании по вопросам прав человека) Комитет министров отметил, что заявитель был освобожден из-под стражи до вступления этих Постановлений Европейского Суда в силу, а мировое соглашение, которое заявитель был вынужден подписать, когда находился под стражей, не было исполнено.

108. В упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Расул Джафаров против Азербайджана» заявитель был помилован и освобожден из-под стражи в день вынесения Постановления Европейского Суда, однако справедливая компенсация не была ему полностью выплачена. Несмотря на помилование, в результате наличия судимости заявитель не мог участвовать в выборах в Азербайджане до 2021 года и вступить в адвокатскую коллегия также до 2021 года. В решении, принятом на 1294-м заседании по вопросам прав человека (19–21 сентября 2017 г.), Комитет министров:

«1) призвал власти безотлагательно выплатить оставшуюся сумму справедливой компенсации, включая проценты,

2) ввиду тяжести последствий для заявителя, несмотря на быстрое освобождение его из-под стражи, призвал власти рассмотреть все способы, включая возобновление обжалуемого внутригосударственного производства для устранения последствий установленных нарушений».

(ii) Меры общего характера

109. Что касается мер общего характера, принятых во всех указанных четырех делах во избежание аналогичных нарушений статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции, анализ Секретариата Комитета министров по упоминавшимся выше Постановлениям Европейского Суда по делам «Луценко против Украины» и «Тимошенко против Украины» (см. результаты работы Комитета министров на 1193-м заседании по вопросам прав человека, 4–6 марта 2014 г.) показал следующее:

«...реформа прокуратуры и конституционная реформа, направленная на усиление независимо-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 2 (примеч. редактора).

сти судебной власти, кажутся относящимися к делу и интересными, а также готовится более тщательное исследование (обе эти реформы были рассмотрены с более общей точки зрения Венецианской комиссией в 2013 году, см. CDL-AD(2013)025E и CDL-AD(2013)034E). Также подчеркивалось, что достигнутый в этом отношении прогресс аналогичным образом отмечался и в других группах дел, а именно в деле Олександра Волкова, также касающемся значимых недостатков в организации судебной системы в Украине».

110. Относительно третьего упоминавшегося выше Постановления Европейского Суда по делу «Гусинский против Российской Федерации» Секретариат Комитета министров (см. результаты работы Комитета на 1243-м заседании по вопросам прав человека, 8–9 декабря 2015 г.) порекомендовал Комитету министров применительно к нарушению статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции следующее:

«...вероятно, это нарушение тесно связано с расплывчатостью законодательства в рассматриваемое время и отсутствием эффективного судебного рассмотрения вопроса о помещении подозреваемых под стражу. В Уголовно-процессуальном кодексе 2001 года, по-видимому, была устранена неточность формулировок статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса 1960 года. Также было организовано эффективное судебное рассмотрение. Следовательно, такого рода злоупотребления полномочиями сотрудниками органов исполнительной власти и прокуратуры, которые были допущены в деле Гусинского, в настоящее время могут быть эффективно рассмотрены судом. Эти изменения, по-видимому, также затрагивают и нарушения статьи 5 Конвенции, установленные в настоящем деле».

111. В своем решении, принятом на указанном заседании, Комитет министров:

«...приветствовал усилия властей Российской Федерации, направленные на приведение российского законодательства и практики в соответствие с конвенционными требованиями, изложенными в статье 5 Конвенции».

Однако в отношении упоминавшегося выше Постановления Европейского Суда по делу «Гусинский против Российской Федерации» еще осуществляется надзор для обеспечения контроля за другими вопросами, вытекающими из данного Постановления, в контексте работы Комитета министров по группе дел «Кляхин против Российской Федерации»¹ (см. рассмотрение этой группы дел на 1294-м заседании по вопросам прав человека, 19–21 сентября 2017 г.).

112. Меры общего характера в приведенном выше Постановлении Европейского Суда по делу «Расул Джафаров против Азербайджана» были при-

знаны Комитетом министров аналогичными мерам по первому Постановлению по делу Маммадова, поэтому оно также остается на контроле Комитета министров (рассмотрение на 1294-м заседании по вопросам прав человека, 19–21 сентября 2017 г.).

(с) Дело, в котором Европейский Суд установил нарушение статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции и в отношении которого Комитет министров завершил процедуру надзора

113. Как указано выше (см. § 105), Комитет министров завершил надзорное производство по упоминавшемуся выше Постановлению Европейского Суда по делу «Чеботарь против Республики Молдова». В этом деле заявитель был освобожден из-под стражи и оправдан внутригосударственными судами до вступления Постановления Европейского Суда в силу (§ 36). Что касается мер общего характера, Комитету министров (см. повестку дня с 1259-го заседания по вопросам прав человека, 7–8 июня 2016 г.) было сообщено, что:

«реформа системы органов прокуратуры Республики Молдова, а именно новый Закон о прокуратуре от февраля 2016 года, видимо, улучшает и консолидирует независимость органов прокуратуры от органов исполнительной и законодательной властей (особенно в отношении рассмотрения индивидуальных дел), исключает политическую заинтересованность прокуроров, включая Генерального прокурора, и повышает их уголовную и дисциплинарную ответственность. Принимая также во внимание тот факт, что с тех пор не было установлено нарушений статьи 18 Конвенции, указанные меры, по-видимому, в принципе способны предотвратить злоупотребления, рассмотренные в настоящем деле. Поскольку вопрос о мерах индивидуального характера урегулирован, предлагается завершить надзорное производство по делу “Чеботарь против Республики Молдова”».

114. Следовательно, Комитет министров на своем 1259-м заседании по вопросам прав человека (8 июня 2016 г.) принял решение завершить надзорное производство по этому делу (см. окончательную Резолюцию CM/ResDH(2016)147).

С. ПРОТОКОЛ № 14 К КОНВЕНЦИИ

115. Идея установления процедуры производства по делам о нарушении государствами своих обязательств, предусмотренных Конвенцией, была изложена в Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1226(2000) и закреплена в Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1477(2000). Первоначальное предложение заключалось во внесении в Конвенцию изменений, чтобы ввести систему «пени» (ежедневно начисляемых штрафов за задержку в выполнении предусмотренного законом обязательства), которая применялась

¹ Имеется в виду Постановление Европейского Суда по делу «Кляхин против Российской Федерации» (Klyakhin v. Russia) от 30 ноября 2004 г., жалоба № 46082/99. См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 7 (примеч. редактора).

бы к государствам, которые регулярно не исполняют постановления Европейского Суда. В рекомендации не указывалось, кто будет применять штраф: Комитет министров или Европейский Суд.

116. В итоге предложение о штрафной системе не было отражено в Протоколе № 14 к Конвенции, однако оно вызвало дебаты, которые привели к принятию пункта 4 статьи 46 Конвенции. Обсуждения касались необходимости расширения полномочий Комитета министров при осуществлении надзора за исполнением постановлений Европейского Суда. Как указано в пояснительном докладе к Протоколу № 14 к Конвенции:

«16. Исполнение постановлений Европейского Суда является неотъемлемой частью функционирования системы, учрежденной Конвенцией. Меры, указанные ниже, разработаны с целью усовершенствовать и ускорить процесс исполнения постановлений Европейского Суда. И авторитет Европейского Суда, и доверие к конвенционной системе в большой степени зависят от эффективности данного процесса. Быстрое и надлежащее исполнение постановлений Европейского Суда, несомненно, отражается на количестве поступающих в Европейский Суд новых дел: чем быстрее принимаются меры общего характера государствами – членами Совета Европы во исполнение постановлений Европейского Суда, указывающих на структурную проблему, тем меньше будет поступать в Европейский Суд повторяющихся жалоб. В этом отношении представляется желательным, чтобы государства вне рамок своих обязательств по пункту 1 статьи 46 Конвенции придали бы обратную силу таким мерам и средствам правовой защиты. Несколько мер, на необходимость принятия которых указывается в вышеупомянутых рекомендациях и резолюциях (см. сноску 4), преследуют эту цель. Кроме того, было бы полезно, если бы Европейский Суд и – что касается надзора за исполнением постановлений Европейского Суда – Комитет министров Совета Европы с целью обеспечения быстрого исполнения постановлений Европейского Суда ввели бы специальную процедуру, при помощи которой стало бы возможным отдавать приоритет тем постановлениям, которые указывают на структурную проблему, способную обусловить значительное количество повторяющихся жалоб. Наиболее важная поправка к Конвенции в контексте исполнения постановлений Европейского Суда состоит в наделении Комитета министров Совета Европы правом возбуждать в Европейском Суде производство о нарушении обязательств в отношении любого государства, которое отказывается выполнить постановление Европейского Суда.

17. Меры, упоминаемые в предыдущем пункте, также направлены на повышение эффективности системы Конвенции в целом. Хотя институт надзора за исполнением постановлений Европейского Суда в общем функционирует удовлетворительно, этот процесс нуждается в совершенствовании для поддержания эффективности системы...

Статья 46. Обязательная сила и исполнение постановлений

...98. Быстрое и полное исполнение постановлений Европейского Суда является жизненно необхо-

димым. Оно еще важнее по делам, затрагивающим структурные проблемы, поскольку необходимо обеспечить, чтобы в Европейский Суд не поступало бы огромное количество повторяющихся жалоб. По этой причине со времени проведения Римской конференции на уровне министров 3–4 ноября 2000 г. (Резолюция I) считается важным укрепить средства, которыми в этом контексте наделяется Комитет министров Совета Европы. На участниках Конвенции лежит коллективная обязанность поддерживать авторитет Европейского Суда и тем самым эффективность конвенционной системы и доверие к этой системе, в любом случае, если Комитет министров Совета Европы считает, что какая-либо из Высоких Договаривающихся Сторон отказывается прямо или посредством своих действий выполнять окончательное постановление Европейского Суда, вынесенное по делу, в котором она является стороной.

99. Пункты 4 и 5 статьи 46 Конвенции, соответственно, уполномочивают Комитет министров Совета Европы возбуждать в Европейском Суде (который с этой целью заседает в составе Большой Палаты, см. пункт “b” новой статьи 31) производство о нарушении Высокой Договаривающейся Стороной своего обязательства по пункту 1 статьи 46 Конвенции, сначала направив официальное уведомление этой стороне о необходимости выполнить свое обязательство. Для принятия решения по данному вопросу Комитету министров Совета Европы требуется большинство голосов в две трети от числа представителей, уполномоченных принимать участие в работе комитета. Это производство о нарушении Высокой Договаривающейся Стороной своего обязательства по пункту 1 статьи 46 Конвенции не имеет целью возобновить рассмотрение вопроса о нарушении Конвенции, уже разрешенного в первоначальном постановлении Европейского Суда. Не предусматривается и взыскание каких-либо штрафных санкций с Высокой Договаривающейся Стороны, нарушившей пункт 1 статьи 46. Считается, что политическое давление, оказываемое производством по вопросу о неисполнении обязательств в Большой Палате и ее постановлением, будет достаточным, чтобы обеспечить исполнение соответствующим государством первоначального постановления Европейского Суда.

100. Комитету министров Совета Европы следует возбуждать производство о нарушении Высокой Договаривающейся Стороной своего обязательства по пункту 1 статьи 46 только в исключительных случаях. Тем не менее представляется необходимым наделить Комитет министров Совета Европы как компетентный орган осуществления надзора за исполнением постановлений Европейского Суда более широким набором средств давления с целью обеспечения исполнения постановлений Европейского Суда. В настоящее время крайней мерой, доступной Комитету министров Совета Европы, является обращение к статье 8 Устава Совета Европы (приостановление представительства в Комитете министров Совета Европы или даже исключение из организации). Это чрезвычайная мера, которая может оказаться непродуктивной в большинстве случаев. Действительно, Высокая Договаривающаяся Сторона, которая оказывается в ситуации, предусмотренной в пункте 4 статьи 46 Конвенции,

продолжает нуждаться в дисциплинированности в рамках Совета Европы намного больше, чем другие его члены. Поэтому новая статья 46 Конвенции добавляет новые возможности осуществления давления в дополнение к уже существующим. Само существование данной процедуры и угроза прибегнуть к ней должны действовать как эффективный новый стимул к исполнению постановлений Европейского Суда. Предполагается, что результаты производства о нарушении Высокой Договаривающейся Стороной своего обязательства будут отражены в постановлении Европейского Суда».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НЕВЫПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ ПУНКТОМ 1 СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

117. Промежуточной Резолюцией от 5 декабря 2017 г. Комитет министров направил в Европейский Суд в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции вопрос о том, выполнили ли власти Азербайджана свои обязательства, предусмотренные пунктом 1 статьи 46 Конвенции, при исполнении положений Постановления по первому делу Маммадова (см. выше § 1).

118. Статья 46 Конвенции гласит следующее:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением.

3. Если Комитет министров считает, что надзору за исполнением окончательного постановления препятствует проблема толкования этого постановления, он вправе передать данный вопрос на рассмотрение Суда для вынесения им постановления по вопросу толкования. Решение о передаче вопроса на рассмотрение Суда требует большинства голосов в две трети от числа представителей, уполномоченных принимать участие в работе Комитета.

4. Если Комитет министров считает, что Высокая Договаривающаяся Сторона отказывается подчиниться окончательному постановлению по делу, в котором она выступает стороной, он вправе после направления официального уведомления этой Стороне и путем принятия решения большинством голосов в две трети от числа представителей, уполномоченных принимать участие в работе Комитета, передать на рассмотрение Суда вопрос, не нарушила ли эта Сторона свое обязательство, установленное в соответствии с пунктом 1.

5. Если Суд устанавливает факт нарушения пункта 1, он передает дело в Комитет министров для рассмотрения мер, подлежащих принятию. Если Суд не устанавливает факт нарушения пункта 1, он передает дело в Комитет министров, который закрывает рассмотрение дела».

А. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Комитет министров Совета Европы

119. В своих первоначальных комментариях, ссылаясь на прецедентную практику Европейского Суда, Комитет министров напомнил, что установление Европейским Судом нарушения Конвенции является в принципе декларативным. Комитет министров подчеркнул общие принципы, лежащие в основе исполнения постановлений Европейского Суда, объясняя, что, когда Европейский Суд устанавливает нарушение Конвенции или Протоколов к ней, власти государства-ответчика несут правовую обязанность не только выплатить установленную денежную сумму в виде справедливой компенсации, но также выбрать под контролем Комитета министров меры общего и/или, если уместно, индивидуального характера, которые должны быть осуществлены во внутригосударственной правовой системе для пресечения установленных Европейским Судом нарушений.

120. Затем Комитет министров напомнил обстоятельства первого Постановления по делу Маммадова и указал, что, по его мнению, установление Европейским Судом нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции ставило под сомнение суть уголовного дела, возбужденного против заявителя. В связи с этим при первом рассмотрении дела Комитет министров призвал власти Азербайджана обеспечить безотлагательное освобождение заявителя из-под стражи (см. решение, принятое на 1214-м заседании по вопросам прав человека, 2–4 декабря 2014 г., приведено выше в § 45). В дальнейшем отсутствие каких-либо действий по исправлению ситуации привело к тому, что Комитет министров призвал к незамедлительному и безусловному освобождению заявителя из-под стражи на основании того, что уголовное дело в отношении него было по своей сути необоснованным (см. решение, принятое 11 июня 2015 г. на 1230-м заседании по вопросам прав человека и 6–7 июня 2017 г. на 1288-м заседании по вопросам прав человека, см. выше § 62).

121. Затем были обобщены фактические изменения, которые произошли в ходе осуществления надзора, а также содержание решений и промежуточных резолюций Комитета министров.

122. В заключение Комитет министров указал, что с момента вступления Постановления¹ в силу власти Азербайджана ни разу не продемонстрировали, что они сделали выводы из установленных Европейским Судом нарушений, в частности, статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции, а также намерений пред-

¹ Так в тексте. По-видимому, здесь и далее имеется в виду первое Постановление по делу Маммадова (примеч. редактора).

принять необходимые действия. В рассматриваемый период по состоянию на декабрь 2017 года, по прошествии более чем трех лет после вступления Постановления в силу, подобная ситуация не могла более характеризоваться как задержка с исполнением Постановления, а должна была быть признана отказом исполнять Постановление Европейского Суда. Более того, из замечаний властей Азербайджана (см. приложение к промежуточной Резолюции CM/ResDH(2017)429)) следовало, что они считали завершение производства по уголовному делу в отношении заявителя и выплату ему справедливой компенсации, присужденной Европейским Судом, всеми действиями, необходимыми в отношении принятия мер индивидуального характера для исполнения Постановления Европейского Суда.

123. В дополнительных комментариях Комитет министров Совета Европы, отвечая на замечания властей Азербайджана, подчеркнул разницу между первым Постановлением по делу Маммадова и упоминавшимися выше Постановлениями Европейского Суда по делам «Луценко против Украины» и «Тимошенко против Украины». Ни в одном из двух указанных дел Европейский Суд не установил, что отсутствовало «обоснованное подозрение» для задержания заявителя и его содержания под стражей, и, следовательно, характер нарушений был более ограниченным. Комитет министров также напомнил, что в указанных делах заявители были освобождены из-под стражи на ранних этапах осуществления надзора за исполнением Постановлений Европейского Суда, вынесенных в отношении них.

124. Комитет министров отклонил довод о том, что он использовал непозволительные выражения в своих обращениях. Призывая к «безусловному освобождению заявителя из-под стражи», Комитет министров только уточнял требуемые действия способом, который полностью отвечал анализу содержания первого Постановления по делу Маммадова.

125. В комментариях, представленных после освобождения заявителя из-под стражи 13 августа 2018 г., Комитет министров подтвердил, что он уведомлен об освобождении заявителя Шекинским апелляционным судом при соблюдении определенных условий. Комитет министров приложил меморандум от властей Азербайджана с ответами на его вопросы и комментарии заявителя на данный меморандум (см. выше § 71). Содержание этих документов находилось во взаимосвязи с соответствующими комментариями, приведенными ниже (см. §§ 133–134, 141–142). Комитет министров выразил надежду, что предоставленная информация поможет Европейскому Суду в рассмотрении вопроса (во французском тексте документа: «*aideront la Cour à statuer sur cette affaire*»¹).

¹ Поможет Европейскому Суду в решении дела (примеч. редактора).

2. Власти Азербайджана

126. В своих первоначальных комментариях власти Азербайджана напомнили свою позицию, изложенную в приложении к промежуточной Резолюции CM/ResDH(2017)429 (см. Приложение).

127. В отношении мер индивидуального характера власти государства-ответчика указали, что заявителю была выплачена справедливая компенсация. Власти Азербайджана сослались на повторное рассмотрение дела Шекинским апелляционным судом 29 апреля 2016 г., в ходе которого, по информации властей государства-ответчика, суд «...тщательно рассмотрел выводы Европейского Суда, сформулированные в Постановлении Европейского Суда, и исправил недостатки, выявленные в ходе производства по делу, которое завершилось постановлением обвинительного приговора в отношении заявителя». Затем в замечаниях отмечались изменения, внесенные в Уголовный кодекс Азербайджана 20 октября 2017 г., в соответствии с которыми можно было обращаться в отношении условно-досрочного освобождения после отбытия двух третей от назначенного срока наказания, и отмечалось, что заявитель имел право на условно-досрочное освобождение начиная с 1 декабря 2017 г.

128. Что касается мер общего характера, власти государства-ответчика сослались на визит представителя Генерального секретаря Совета Европы в Азербайджан 11 января 2017 г. и готовность властей этой страны рассматривать все способы, предложенные во время этого визита для исполнения Постановления Европейского Суда. В замечаниях также кратко излагалось содержание исполнительного ордера, подписанного Президентом Азербайджана 10 февраля 2017 г. «Об улучшении функционирования исправительных учреждений, гуманизации уголовной политики и расширении практики применения альтернативных наказаний и мер пресечения, не связанных с помещением под стражу». Власти Азербайджана объяснили, что этот ордер и соответствующие изменения в Уголовный кодекс были предназначены для декриминализации ряда деяний в Азербайджане и уменьшении количества лиц, находящихся под стражей в рамках избранной меры пресечения.

129. Власти Азербайджана сравнили факты, связанные с исполнением первого Постановления по делу Маммадова, с производством по упоминавшимся выше Постановлениям Европейского Суда по делам «Луценко против Украины» и «Тимошенко против Украины», в которых Комитет министров не требовал незамедлительно освободить заявителей из-под стражи, несмотря на то, что Европейский Суд также установил в этих делах нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции. Отметив, что заявители в указанных

делах были позднее освобождены из-под стражи, власти Азербайджана настаивали на том, что это расхождение в подходах свидетельствовало о том, что Комитет министров не применял принципы процедуры надзора единообразно.

130. Подчеркивая отсутствие в Постановлении Европейского Суда какого-либо указания на незамедлительное освобождение заявителя из-под стражи, власти Азербайджана сравнили это обстоятельство с информацией, предоставленной по делу «Фатуллаев против Азербайджана» (Fatullayev v. Azerbaijan) (Постановление от 22 апреля 2010 г., жалоба № 40984/07). Власти Азербайджана утверждали, что это отличие означало, что подобная мера не была необходима в первом Постановлении по делу Маммадова, а также демонстрировало отсутствие последовательности в позиции Комитета министров. Власти Азербайджана также считали, что Комитет министров проявил непоследовательность, когда сначала требовал «незамедлительного освобождения» заявителя и только позднее его «безусловного освобождения». Власти Азербайджана пришли к выводу, что с учетом принятых мер они полностью исполнили первое Постановление по делу Маммадова.

131. В дополнительных комментариях власти Азербайджана критиковали ссылки заявителя на более поздние постановления Европейского Суда и подчеркивали, что производство по факту неисполнения властями Азербайджана Постановлений Европейского Суда касалось только первого дела Мамадова.

132. Власти Азербайджана также подчеркивали, что позиция Комитета министров означала, что заявителя следовало освободить из-под стражи, несмотря на вступление приговора внутригосударственного суда в законную силу и на отсутствие прямого указания на это в соответствующем Постановлении Европейского Суда.

133. В комментариях, представленных после освобождения заявителя из-под стражи, власти Азербайджана сообщили, что 13 августа 2018 г. Шекинский апелляционный суд отменил меру пресечения в виде заключения под стражу и освободил заявителя, тем самым положив конец нарушению, установленному в первом Постановлении по делу Маммедова. По мнению властей Азербайджана, этот факт отвечал призыву Комитета министров освободить заявителя без каких-либо условий. Приводя основания, почему освобождение заявителя должно было рассматриваться как безусловное, власти государства-ответчика вначале отметили, что заявитель мог обжаловать решение Шекинского апелляционного суда. Во-вторых, власти Азербайджана указали, что примененные к заявителю ограничения были связаны с назначенным заявителю испытательным сроком, а не с его освобождением, что означало, что данные ограничения могли быть обжалованы заявителем

в местном суде первой инстанции и что приговор, рассматриваемый во втором Постановлении по делу Маммедова, не имел никакого отношения к запросу в рамках пункта 4 статьи 46 Конвенции. В-третьих, власти Азербайджана проанализировали решения Комитета министров и пришли к выводу, что, используя термин «безусловный» в своих решениях, Комитет министров имел в виду, что «не должно существовать условий для освобождения заявителя... например, обращение заявителя в суд».

134. В заключение в комментариях было указано, что, учитывая цели процедуры, предусмотренной пунктом 4 статьи 46 Конвенции, и ее исключительный характер, вопрос по настоящему делу был разрешен, и отсутствовала необходимость в дальнейшем рассмотрении вопроса в рамках пункта 4 статьи 46 Конвенции.

3. Заявитель Ильгар Маммадов

135. В своих первоначальных комментариях заявитель утверждал, что исполнение первого Постановления по делу Маммадова требовало его незамедлительного и безусловного освобождения из-под стражи, а также безоговорочного признания властями Азербайджана того, что содержание заявителя под стражей начиная с 4 февраля 2013 г. противоречило не только требованиям Конвенции, но и законодательству Азербайджана.

136. Ссылаясь на прецедентную практику Европейского Суда, заявитель выдвинул семь доводов в подтверждение своей позиции, а именно, что Высокие Договаривающиеся Стороны обязаны исполнять вступившие в силу постановления Европейского Суда в любом деле, в котором они являются стороной; эта обязанность не ограничивается выплатой справедливой компенсации, но может также влечь за собой принятие мер общего и/или индивидуального характера; свобода выбора Высокими Договаривающимися Сторонами этих мер не является абсолютной; определение необходимых мер индивидуального характера относится к компетенции Комитета министров согласно пункту 2 статьи 46 Конвенции; единственной уместной мерой индивидуального характера, которую Высокая Договаривающаяся Сторона может принять в деле, в котором лицо продолжает находиться под стражей в рамках процесса, признанного Европейским Судом нарушающим конвенционные права указанного лица, будет освобождение указанного лица из-под стражи с безоговорочным признанием того, что нахождение под стражей также противоречило конвенционным правам. Кроме того, заявитель утверждал, что мерой индивидуального характера в первом Постановлении по делу Маммадова являлось освобождение заявителя из-под стражи при обстоятельствах, включающих безоговорочное признание того, что нахождение

заявителя под стражей противоречило законодательству Азербайджана и Конвенции, что власти Азербайджана могли выполнить данную меру, но не сделали этого, и такая длительная задержка усугубила первоначально установленное нарушение статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции, что означало, что власти Азербайджана не выполнили свое обязательство, предусмотренное пунктом 1 статьи 46 Конвенции.

137. Утверждая, что осуществление мер индивидуального характера в первом Постановлении по делу Маммадова требовало незамедлительного освобождения заявителя из-под стражи, заявитель ссылаясь на ряд постановлений из прецедентной практики Европейского Суда, в которых он указал, что должно быть осуществлено «освобождение из-под стражи в как можно более краткие сроки», «незамедлительное освобождение» и «безотлагательное освобождение». Заявитель пришел к выводу, что общим элементом для всех указанных им дел являлось отсутствие надлежащей правовой основы для его заключения под стражу. Также освобождение из-под стражи должно было быть незамедлительным или произведено очень быстро, поскольку тяжесть установленного нарушения означала, что власти государства-ответчика располагали крайне ограниченной возможностью откладывать исполнение Постановления Европейского Суда.

138. Несмотря на отсутствие соответствующего указания в первом Постановлении по делу Маммадова, оно должно рассматриваться в том же свете, что и указанные выше постановления по делам, в которых отсутствовало надлежащее правовое основание для заключения лица под стражу. Заявитель полагал, что это толкование подтверждалось выводами Европейского Суда по первому Постановлению по делу Маммадова, а также что весь процесс начиная с заключения его под стражу являлся прямым отрицанием правосудия. Учитывая это, только безусловное освобождение заявителя из-под стражи являлось бы надлежащим исполнением Постановления Европейского Суда, поскольку любое другое освобождение зависело бы от характеризуемого существенными нарушениями процесса по уголовному делу в отношении заявителя, рассмотренному в первом Постановлении по делу Маммадова.

139. В дальнейших комментариях заявитель признал выплату справедливой компенсации, но утверждал, что эта была не единственная мера индивидуального характера, которая должна была быть принята по его делу. Заявитель подчеркивал, что на внутригосударственном уровне не были рассмотрены положения первого Постановления по его делу, и поэтому внутригосударственное производство по его делу не могло считаться надлежащей мерой индивидуального характера. По тем же причинам, что указал Комитет министров (см.

выше § 123), заявитель утверждал, что упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Луценко против Украины» и «Тимошенко против Украины» отличались от настоящего дела, поэтому Комитет министров мог по-другому относиться к ним в ходе осуществления надзора.

140. В заключение заявитель согласился, что Комитет министров использовал несколько иные формулировки, когда призывал власти государства-ответчика освободить заявителя из-под стражи, но они полностью соответствовали позиции Комитета министров, и отсутствовали какие-либо основания утверждать, что они расходились с обычным подходом Комитета министров.

141. В комментариях, представленных после освобождения заявителя из-под стражи, он подчеркнул, что решение Шекинского апелляционного суда от 13 августа 2018 г. не содержало какой-либо ссылки на первое Постановление по делу Маммадова и оставило факт осуждения без изменения, уточнив только наказание. Напоминая условия своего освобождения (см. выше §§ 31–32), заявитель утверждал, что на протяжении двух лет он был обязан являться каждые десять дней в Управление по надзору за исполнением условных наказаний и расписываться в соответствующих регистрационных документах, хотя ему не было предъявлено для ознакомления никакого документа, подтверждающего необходимость такой явки. Оставалась вероятность повторного заключения заявителя под стражу на основании того, что заявитель описал в расплывчатых положениях Уголовного кодекса Азербайджана, согласно которым, если заявитель систематически или умышленно будет игнорировать выполнение «обязанности по исправлению» или иных обязанностей, возложенных на него судом, или совершит еще преступление. Заявитель настаивал на том, что примененные к нему ограничения влияли на его возможность участвовать в политической деятельности, продлевая, таким образом, действие мер, направленных на то, чтобы заставить заявителя замолчать или наказать его за критику властей. Заявитель не прокомментировал наличие возможности обжаловать применение к нему указанных ограничений.

142. Что касается вопроса о том, было ли исполнено первое Постановление по делу Маммадова, заявитель указал, что его освобождение из-под стражи было осуществлено через три года и десять месяцев после вынесения указанного Постановления и поэтому не являлось безотлагательным и не могло считаться «своевременным». Напоминая о явных и скрытых ограничениях, примененных к нему согласно законодательству Азербайджана, заявитель утверждал, что его освобождение из-под стражи можно было назвать только «условным». Заявитель пришел к выводу, что, даже если его освобождение из-под стражи рассматривалось как

запоздалое исполнение Постановления (чем, по мнению заявителя, освобождение из-под стражи не являлось), власти Азербайджана уже допустили серьезные недостатки в отношении выполнения обязанности, предусмотренной пунктом 1 статьи 46 Конвенции, на момент обращения Комитета министров в Европейский Суд.

В. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Процессуальные вопросы

143. После освобождения заявителя из-под стражи власти Азербайджана указали, что они считали данный вопрос закрытым и что отсутствовала необходимость в дальнейшем рассмотрении дела в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции (см. выше § 134).

144. Европейский Суд отмечает, что ни в одном из пунктов статьи 46 Конвенции не упоминается возможность прекращения рассмотрения дела, переданного в Европейский Суд. Однако в данной статье ясно указано, что только Комитет министров может инициировать обращение на основании пункта 4 статьи 46 Конвенции. Учитывая эту процессуальную прерогативу, коллективную ответственность Комитета министров и межинституциональный характер производства, Европейский Суд полагает, что нельзя исключать, что предоставленные Комитету министров статьей 46 Конвенции полномочия также подразумевают, что Комитет министров может отозвать обращение из Европейского Суда.

145. Однако Комитет министров так не поступил в настоящем деле. После условного освобождения заявителя из-под стражи Комитет министров рассмотрел дело в свете новых событий и, проконсультировавшись с властями Азербайджана и с заявителем, решил не отзывать обращение в Европейский Суд (см. выше §§ 71–72). Более того, по предложению Европейского Суда Комитет министров представил письменные комментарии по факту условного освобождения заявителя, которые должны были помочь Европейскому Суду в рассмотрении вопроса (*«aideront la Cour à statuer sur cette affaire»*, см. выше § 125).

146. Исходя из решения Верховного суда Азербайджана от 28 марта 2019 г. (см. выше § 73), власти Азербайджана отметили, что они полагали, что указанное решение создало новую ситуацию в исполнении первого Постановления по делу Маммадова, которая «может быть принята Европейским Судом во внимание» в настоящем деле.

Рассмотрев вышеназванные моменты, Европейский Суд считает, что он продолжит рассмотрение переданного ему дела.

2. Общие принципы, касающиеся исполнения постановлений Европейского Суда согласно пунктам 1 и 2 статьи 46 Конвенции

147. Одним из самых значимых признаков конвенционной системы является то, что она включает в себя механизм рассмотрения вопроса о соблюдении положений Конвенции. Так, Конвенция не только требует от государств-участников соблюдать права и обязанности в соответствии с Конвенцией, но и учреждает судебный орган – Европейский Суд, который уполномочен устанавливать факты нарушений Конвенции в своих постановлениях, которые государства-участники обязуются исполнять (статья 19 Конвенции в совокупности с пунктом 1 статьи 46 Конвенции). Кроме того, Конвенция учреждает механизм надзора за исполнением постановлений Европейского Суда с помощью полномочий Комитета министров (пункт 2 статьи 46 Конвенции). Данный механизм демонстрирует важность эффективного исполнения постановлений (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассоциация против промышленного разведения животных в Швейцарии (VgT) против Швейцарии (№ 2)» (*Verein gegen Tierfabriken Schweiz (VgT) v. Switzerland*) (№ 2), жалоба № 32772/02, *ECHR* 2009, § 84).

148. Европейский Суд неоднократно подчеркивал в своей прецедентной практике, что его постановления по существу носят декларативный характер и что в целом именно соответствующее государство должно выбирать под надзором Комитета министров способы выполнения своих обязательств, предусмотренных статьей 46 Конвенции, если такие способы соответствуют выводам, изложенным в постановлении Европейского Суда (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*), жалоба № 46221/99, *ECHR* 2005-IV, § 210, Постановление Европейского Суда по делу «Брумареку против Румынии (справедливая компенсация)» (*Brumărescu v. Romania*), жалоба № 28342/95, *ECHR* 2001-I, § 20, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии» (*Scozzari and Giunta v. Italy*), жалобы №№ 39221/98 и 41963/98, *ECHR* 2000-VIII, § 249).

149. Европейский Суд также подчеркивал обязательную силу своих постановлений согласно пункту 1 статьи 46 Конвенции и важность их эффективного исполнения, добровольного и с применением способов, соответствующих «выводам и духу» указанных постановлений (см. Постановление Европейского Суда по делу «Эмре против Швейцарии (№ 2)» (*Emre v. Switzerland*) (№ 2) от 11 октября 2011 г., жалоба № 5056/10, § 75).

150. Что касается требований статьи 46 Конвенции, прежде всего следует отметить, что власти

государства-ответчика, в отношении которых установлено, что они нарушили положения Конвенции или Протоколов к ней, обязаны исполнять постановления Европейского Суда в любом деле, стороной которого они являются. Иными словами, полное или частичное неисполнение постановления Европейского Суда может повлечь за собой международную ответственность властей государства-участника Конвенции. Это государство будет обязано не только выплатить соответствующие суммы справедливой компенсации, но и принять меры индивидуального и/или, если уместно, общего характера в рамках своей внутригосударственной правовой системы, чтобы прекратить нарушения, выявленные Европейским Судом, и исправить последствия. Целью этих действий должно быть возвращение заявителя, насколько это возможно, в положение, в котором он бы находился, если бы требования Конвенции были бы соблюдены (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассоциация против промышленного разведения животных в Швейцарии (VgT) против Швейцарии (№ 2)», § 85 с дальнейшими ссылками). Осуществляя выбор мер индивидуального характера, государство-участник должно учитывать основную стоящую перед ним цель: достижение *restitutio in integrum* (см. Решение Европейского Суда по делу «Кудешкина против Российской Федерации (№ 2)» (*Kudeshkina v. Russia*) (№ 2) от 17 февраля 2015 г., жалоба № 28727/11¹, § 74, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Брумареку против Румынии (справедливая компенсация)», § 20, и Постановление Европейского Суда по делу «Папамикалопулос и другие против Греции (статья 50)» (*Paramichalopoulos and Others v. Greece*) (Article 50) от 31 октября 1995 г., Series A, № 330-B, § 34).

151. Эти обязанности отражают принципы международного права, согласно которым государство, ответственное за противоправное деяние, обязано осуществить реституцию, заключающуюся в восстановлении ситуации, существовавшей до совершения противоправного деяния, если только реституция не является «физически невозможной» и «не влечет за собой бремя, которое совершенно непропорционально пользе от получения реституции вместо компенсации» (статья 35 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, см. выше §§ 81 и 88). Иными словами, хотя реституция является обязательным требованием, могут иметь место обстоятельства, когда власти государства-ответчика освобождаются, полностью или частично, от этой обязанности, если докажут, что такие обстоятельства существуют (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по

делу «Ассоциация против промышленного разведения животных в Швейцарии (VgT) против Швейцарии (№ 2)», § 86).

152. В любом случае власти государства-ответчика обязаны предоставить в Комитет министров подробную актуальную информацию о новых обстоятельствах, открывшихся в ходе исполнения постановлений Европейского Суда, обязательных для властей (правило 6 Регламента Комитета министров о порядке контроля за исполнением постановлений Европейского Суда и условий мировых соглашений, см. выше § 91). В этой связи Европейский Суд подчеркивает обязанность властей государства-ответчика исполнять договоры добровольно, как указано, в частности, в третьем пункте Преамбулы и в статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (см. *ibid.*, § 87).

153. Действительно, находясь под надзором Комитета министров, власти государства-ответчика в принципе свободны в выборе способов выполнения обязательств, предусмотренных пунктом 1 статьи 46 Конвенции (см. также выше § 148), если такие способы соответствуют выводам и постановлениям Европейского Суда. Однако при определенных особых обстоятельствах Европейский Суд считал полезным указать властям государства-ответчика на типы мер, которые можно принять для исправления ситуации, часто носящей системный характер, которая послужила причиной установления нарушения. Иногда характер нарушения может не оставлять выбора относительно того, какие меры следует предпринять (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассоциация против промышленного разведения животных в Швейцарии (VgT) против Швейцарии (№ 2)», § 88, с дальнейшими ссылками).

154. Хотя Европейский Суд в некоторых ситуациях может указывать на особое средство правовой защиты или на иные меры, которые должны принять власти государства-ответчика, именно Комитет министров всё еще должен оценивать применение таких мер согласно пункту 2 статьи 46 Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу «Эгмез против Кипра» (*Egmez v. Cyprus*) от 18 сентября 2012 г., жалоба № 12214/07, § 49, с дальнейшими ссылками).

155. Более того, Европейский Суд повторяет, что, учитывая многообразие мер, доступных для восстановления *restitutio in integrum*, и характер затронутых вопросов, осуществляя свои полномочия в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции, Комитет министров находится в лучшем положении, чем Европейский Суд, чтобы оценить особые меры, которые необходимо предпринять. Таким образом, Комитету министров следует оставить осуществление надзора на основании информации, предоставленной властями государ-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 5 (примеч. редактора).

ства-ответчика и с должным учетом изменяющейся ситуации заявителя, за принятием таких мер, которые были бы обоснованными, своевременными, надлежащими и достаточными для обеспечения максимально возможного возмещения последствий нарушений, установленных Европейским Судом (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мухитдинов против Российской Федерации» (*Mukhitdinov v. Russia*) 21 мая 2015 г., жалоба № 20999/14, § 114¹, Постановление Европейского Суда по делу «Мамажонов против Российской Федерации» (*Mamazhonov v. Russia*) от 23 октября 2014 г., жалоба № 17239/13², § 236, Постановление Европейского Суда по делу «Ким против Российской Федерации» (*Kim v. Russia*) от 17 июля 2014 г., жалоба № 44260/13, § 74³, Постановление Европейского Суда по делу «Савриддин Джураев против Российской Федерации» (*Savriddin Dzhurayev v. Russia*), жалоба № 71386/10⁴, *ECHR* 2013 (извлечения), § 255).

156. Целью присуждения справедливой компенсации является предоставление возмещения лишь за ущерб, причиненный только участвующим в деле лицам, в той степени, в которой соответствующие события являются последствиями нарушений, которые иным образом не могут быть исправлены (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии», § 250). Общая логика правила предоставления справедливой компенсации (статья 41 Конвенции или бывшая статья 50 Конвенции), как она была задумана составителями Конвенции, прямо вытекает из принципов публичного международного права, связанных с ответственностью государств, и должна толковаться в данном контексте. Это подтверждается подготовительными материалами к Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции (справедливая компенсация)» (*Cyprus v. Turkey*), жалоба № 25781/94, *ECHR* 2014, § 40).

3. Задача Европейского Суда в рамках производства согласно пункту 4 статьи 46 Конвенции по вопросу о неисполнении властями государства-ответчика постановления Европейского Суда

157. Согласно пункту 4 статьи 46 Конвенции Европейский Суд обязан решить, выполнило ли государство свою обязанность, предусмотрен-

ную пунктом 1 статьи 46 Конвенции. Указанное положение не разъясняет, какой при этом следует использовать подход. Поскольку это первый случай, когда Комитет министров инициировал производство по вопросу о неисполнении властями государства-ответчика постановления Европейского Суда, Европейский Суд полагает, что он должен прояснить характер стоящей перед ним задачи.

(а) История подготовки Протокола № 14 к Конвенции

158. Отмечается, что пункт 4 статьи 46 Конвенции являлся одним из изменений Конвенции, обусловленных вступлением в силу Протокола № 14 к Конвенции (см. выше § 116). Пункт 5 Преамбулы к Протоколу № 14 к Конвенции содержал указания на срочную необходимость внесения изменений в определенные нормы с целью поддержания и повышения эффективности системы контроля в основном в свете продолжающегося увеличения количества поступающих в Европейский Суд и в Комитет министров дел. Также в пояснительном докладе к Протоколу № 14 к Конвенции содержалось множество ссылок на эту общую цель. Что касается именно исполнения постановлений Европейского Суда, подчеркивалось, что некоторые из предлагаемых мер были предназначены для улучшения и ускорения процесса исполнения, поскольку авторитет Европейского Суда и надежность системы в целом зависели в большой степени от эффективности этого процесса. Наделение Комитета министров правом инициировать производство по вопросу о неисполнении властями государства-ответчика постановления Европейского Суда считалось самым важным изменением в Конвенции в контексте необходимости быстрого и надлежащего исполнения постановлений Европейского Суда (см. выше § 116, в котором цитируется пункт 16 пояснительного доклада).

159. Далее в пояснительном докладе объяснялось, что быстрое и полное исполнение постановлений Европейского Суда являлось крайне важным и что государства – участники Конвенции обладали коллективной обязанностью поддерживать авторитет Европейского Суда в любое время, когда Комитет министров посчитает, что государство отказывается исполнять вступившее в силу постановление Европейского Суда (см. *ibid.*). Производство по вопросу о неисполнении властями государства-ответчика постановления Европейского Суда направлено не на возобновление рассмотрения вопроса о возможном нарушении положений Конвенции, уже разрешенного Европейским Судом, или обеспечение выплаты денежной компенсации. Она предназначена для оказания политического давления с целью обеспечения исполнения постановления Европейского Суда (см. *ibid.*).

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 1 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 2 (примеч. редактора).

³ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 2 (примеч. редактора).

⁴ См.: там же. 2014. № 5 (примеч. редактора).

160. Из материалов подготовки Протокола № 14 к Конвенции ясно следует, что производство по вопросу о неисполнении властями государства-ответчика постановления Европейского Суда было закреплено в пункте 4 статьи 46 Конвенции для повышения эффективности процедуры осуществления надзора: для ее улучшения и ускорения.

(b) Правовая основа для производства по исполнению постановлений Европейского Суда

161. В дополнение к исследованию подготовительных материалов к Протоколу № 14 к Конвенции и его целей Европейский Суд также примет во внимание соответствующую правовую основу для производства по исполнению постановлений Европейского Суда. В соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции Комитет министров осуществляет надзор за исполнением постановлений Европейского Суда (см. выше §§ 89 и 147). Комитет министров является исполнительным органом Совета Европы, и как таковая его работа носит политический характер. Следовательно, осуществляя надзор за исполнением постановлений Европейского Суда, Комитет министров выполняет конкретную задачу, которая требует применения соответствующих правовых норм.

162. Согласно сложившейся прецедентной практике Европейского Суда процесс исполнения касается выполнения Договаривающейся Стороной своих международно-правовых обязательств в соответствии с пунктом 1 статьи 46 Конвенции. Эти обязательства основаны на принципах международного права, касающихся прекращения, недопущения повторения и предоставления возмещения, как указано в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния (см. выше §§ 81–88 и 150–151). Указанные принципы применялись Комитетом министров на протяжении многих лет и в настоящее время нашли свое отражение в правиле 6.2 Регламента Комитета министров (см. выше § 91).

163. Следовательно, установленный статьей 46 Конвенции механизм осуществления надзора обеспечивает всестороннюю основу для исполнения постановлений Европейского Суда, подкрепленную практикой Комитета министров. В рамках этой основы постоянный надзор Комитета министров обусловил принятие совокупности публичных документов, включивших в себя информацию от властей государств-ответчиков и иных заинтересованных сторон, участвующих в процессе исполнения, и зарегистрированных решений Комитета министров по делам, находящимся в соответствующем государстве на исполнении. Эта практика также повлияла на установление общих принципов в рекомендациях Комитета министров государствам-членам по вопросам, касающимся исполнения постановлений Европейского Суда (см., напри-

мер, Рекомендацию № R(2000)2 «По пересмотру дел и возобновлению производства по делам на внутригосударственном уровне в связи с постановлениями Европейского Суда по правам человека» или Рекомендацию № CM/Rec(2010)3 «По вопросу эффективных средств правовой защиты в связи с чрезмерной длительностью производства по делу»). В итоге Комитет министров создал обширную *acquis*¹.

164. Учитывая сказанное, Европейский Суд отмечает, что ранее он указывал, что статья 41 Конвенции является *lex specialis* применительно к общим нормам и принципам международного права, также делая вывод о том, что данное положение должно толковаться в соответствии с международным правом (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции (справедливая компенсация)», §§ 40–42). Принимая свои вышеизложенные выводы относительно правовой основы для производства по исполнению постановлений Европейского Суда и *acquis* Комитета министров, Европейский Суд будет придерживаться аналогичного подхода в настоящем контексте и будет считать, что правило 6 Регламента Комитета министров отражает принципы международного права, изложенные в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

(c) Подход Европейского Суда к производству по вопросу о неисполнении властями государства-ответчика постановления Европейского Суда

165. Чтобы определить свой подход к производству по вопросу о неисполнении властями государства-ответчика постановления Европейского Суда, он рассмотрит два вопроса. Во-первых, в какой степени ему следует руководствоваться выводами Комитета министров, сформулированными при осуществлении надзора за исполнением, и, во-вторых, временные рамки анализа Европейского Суда.

166. Что касается первого вопроса, обобщая свои наблюдения по двум обозначенным выше моментам, подготовительным материалам к Протоколу № 14 к Конвенции и правовой основе для исполнительного процесса, Европейский Суд полагает, что отсутствуют какие-либо указания на то, что составители Протокола № 14 к Конвенции ставили целью лишить Комитет министров надзорной функции. Производство по вопросу о неисполнении властями государства-ответчика постановления Европейского Суда не было направлено на нарушение основополагающего институционального баланса между Европейским Судом и Комитетом министров.

¹ *Acquis* (лат.) – наработанная нормативная база (примеч. переводчика).

167. Европейский Суд отмечает полномочие Комитета министров давать оценку особым мерам, принятым властями государства-ответчика для обеспечения максимально возможного возмещения за установленное нарушение (см. выше § 155). Европейский Суд также устанавливал, что вопрос об исполнении постановлений Европейского Суда Высокими Договаривающимися Сторонами находится вне юрисдикции Европейского Суда, если только он не был поднят в рамках производства по вопросу о неисполнении постановления властями государства-ответчика, изложенного в пунктах 4 и 5 статьи 46 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морейра Феррейра против Португалии (№ 2)» (*Moreira Ferreira v. Portugal*) (№ 2) от 11 июля 2017 г., жалоба № 19867/12¹, § 102).

168. Однако в рамках производства по вопросу о неисполнении постановления властями государства-ответчика Европейский Суд обязан осуществить определенную правовую оценку вопроса о соблюдении требований Конвенции. Действуя подобным образом, Европейский Суд примет во внимание все аспекты производства в Комитете министров, включая меры, указанные Комитетом министров. Европейский Суд также проведет свою оценку, надлежащим образом учитывая выводы комитета, сформулированные при осуществлении надзора за исполнением, позицию властей государства-ответчика и доводы жертвы нарушения Конвенции. В контексте производства по вопросу о неисполнении постановления властями государства-ответчика Европейский Суд должен будет определить правовые обязательства в соответствии со вступившим в силу постановлением, а также выводы и дух этого постановления (см. выше § 149) с целью установить, исполнили ли власти государства-ответчика свою обязанность, предусмотренную пунктом 1 статьи 46 Конвенции.

169. Европейский Суд отдельно рассмотрит второй вопрос, а именно о временных рамках, существенных для оценки Европейским Судом факта предполагаемого невыполнения властями государства-ответчика своей обязанности исполнить постановление Европейского Суда.

170. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что дата, когда Комитет министров передает вопрос на рассмотрение Европейского Суда в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции, принимается за дату, когда предполагается, что власти соответствующего государства-ответчика отказались исполнить вступившее в силу постановление Европейского Суда по смыслу пункта 4 статьи 46 Конвенции, поскольку Комитет министров не мог признать действия государства «своевременны-

ми, надлежащими и достаточными» (см. выше § 155). Исполнение постановлений Европейского Суда – это длящийся процесс. Данный аспект подчеркивается тем фактом, что в ходе производства по вопросу неисполнения постановления Европейского Суда Комитет министров в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции должен официально уведомить власти государства-ответчика о своем намерении передать на рассмотрение Европейского Суда вопрос о том, выполнили ли власти государства-ответчика свои обязанности, предусмотренные пунктом 1 статьи 46 Конвенции.

171. Исходя из вышеизложенного, а также принимая во внимание решение Комитета министров, Европейский Суд полагает, что отправной точкой для рассмотрения дела должен быть день, когда Европейскому Суду был передан на рассмотрение вопрос в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции.

4. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

172. Прежде чем применять вышеизложенные принципы, Европейский Суд рассмотрит пределы действия настоящего производства по вопросу неисполнения постановления Европейского Суда.

(а) Пределы действия производства по вопросу неисполнения постановления Европейского Суда

173. В первом Постановлении по делу Маммадова от 22 мая 2014 г. Европейский Суд установил нарушения подпункта «с» пункта 1, пункта 4 статьи 5, пункта 2 статьи 6 Конвенции, а также статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции применительно к уголовному обвинению, предъявленному заявителю в феврале 2013 года и его последующему содержанию под стражей в рамках избранной меры пресечения (см. выше §§ 2 и 33). Относительно статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции Европейский Суд указал, что предъявленное заявителю обвинение не было основано на обоснованном подозрении, а его действительной целью было заставить заявителя замолчать или наказать его за критику властей государства-ответчика (см. выше § 36).

174. В промежуточной резолюции от 5 декабря 2017 г. Комитет министров на основании пункта 4 статьи 46 Конвенции задал Европейскому Суду вопрос о том, «выполнили ли власти Азербайджана свою обязанность, предусмотренную пунктом 1 статьи 46 Конвенции или нет» в отношении первого Постановления по делу заявителя (см. выше §§ 1 и 67, а также Приложение).

175. В то же время в промежуточной резолюции также напоминалось о многочисленных решениях и предыдущих промежуточных резолюциях

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 8 (примеч. редактора).

Комитета министров, вынесенных при осуществлении процедуры надзора, в которых подчеркивались существенные нарушения по уголовном делу заявителя, установленные Европейским Судом при анализе вопроса о соблюдении статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции, и содержалось требование немедленного и безусловного освобождения заявителя из-под стражи. В промежуточной резолюции указывалось также, что «не обеспечив безусловное освобождение заявителя из-под стражи, власти Азербайджана отказываются исполнять вступившее в силу Постановление Европейского Суда» (см. выше § 66).

176. Европейский Суд отмечает расхождение между большим объемом переданного ему на рассмотрение вопроса, как он определен пунктом 4 статьи 46 Конвенции, и особыми вызывающими беспокойство Комитета министров вопросами в настоящем деле, озвученными в ходе осуществления надзора за исполнением первого Постановления по делу заявителя. Очевидно, что Комитет министров считает, что основным вопросом в настоящем производстве по вопросу неисполнения постановления Европейского Суда является отказ властей Азербайджана принять меры индивидуального характера, связанные с нарушением статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции.

177. Оставшиеся вопросы, связанные с выплатой справедливой компенсации и мерами общего характера, касающимися исполнения первого Постановления по делу Маммадова относятся к сфере производства по вопросу неисполнения постановления Европейского Суда, сформулированного в пункте 4 статьи 46 Конвенции. Однако в настоящем деле они не требуют тщательного рассмотрения.

178. Что касается справедливой компенсации, Европейский Суд напоминает, что он присудил заявителю 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 2 000 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек (см. §§ 151 и 154 первого Постановления по делу Маммадова, а также выше § 33). Не оспаривается факт выплаты компенсации, которая была предоставлена в распоряжение заявителя 25 декабря 2014 г. (см. выше §§ 122, 127, 139 и Приложение).

179. Обращаясь к мерам общего характера, Европейский Суд отмечает, что Комитет министров в процессуальном порядке отметил, что за любыми мерами общего характера, принятыми в настоящем деле, следует осуществлять контроль в контексте иных аналогичных дел, в частности, дела «Фархад Алиев против Азербайджана» (Farhad Aliyev v. Azerbaijan) (Постановление от 9 ноября 2010 г., жалоба № 37138/06, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Расул Джафаров против Азербайджана»). Вследствие этого предоставленные властями

Азербайджана меры общего характера (см. выше §§ 42–44, а также Приложение) принимаются во внимание в ходе осуществления надзора за исполнением указанных других постановлений.

180. В связи с этим Европейский Суд обратится к основному аспекту настоящего дела: меры индивидуального характера, которые необходимо было принять во исполнение первого Постановления Европейского Суда в связи с установленным нарушением статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции.

(b) Меры индивидуального характера

(i) Первое Постановление по делу Маммадова

(a) Текст первого Постановления по делу Маммадова

181. В первом Постановлении по делу Маммадова Европейский Суд не указал прямо ни в мотивировочной, ни в резолютивной части, как это Постановление должно было исполняться. Власти Азербайджана утверждали, что отсутствие такого указания означало, что не требовалось принимать каких-либо особых мер индивидуального характера (см. выше § 130).

182. Европейский Суд повторяет, что согласно его устоявшейся прецедентной практики его постановления носят декларативный характер и что при определенных особых обстоятельствах он может попытаться указать виды мер, которые можно принять для прекращения установленного Европейским Судом нарушения (см. выше § 153). В отдельных случаях Европейский Суд включал указания относительно мер как индивидуального, так и общего характера (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассанидзе против Грузии» (Assanidze v. Georgia), жалоба № 71503/01, ECHR 2004-II, § 203, и Постановление Европейского Суда по делу «Айдогду против Турции» (Aydoğdu v. Turkey) от 30 августа 2016 г., жалоба № 40448/06, §§ 118–122). Однако принимая во внимание институциональный баланс между ответственностью в процессе исполнения постановления (см. выше § 150), окончательный выбор принимаемых мер остается за государствами, под надзором со стороны Комитета министров, если эти меры соответствуют «выводам и духу» постановления Европейского Суда (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Эгмез против Кипра», §§ 48–49, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эмре против Швейцарии (№ 2)», § 75, а также выше §§ 149 и 153).

183. Также следует отметить, что Комитет министров полагает, что он может пересматри-

вать связанные с исполнением указания, например, если объективные факторы, которые стали известны после вынесения постановления Европейского Суда, должны были быть учтены при осуществлении надзора. Одним из примеров является Постановление Европейского Суда по делу «Аль-Саадун и Муфдхи против Соединенного Королевства» (*Al-Saadoon and Mufdhi v. United Kingdom*) (жалоба № 61498/08, *ECHR* 2010), в котором указание Европейского Суда на то, что власти Соединенного Королевства должны принять «все возможные меры для получения заверений от властей Ирака, что [заявители] не будут казнены», не рассматривалось далее, поскольку внутрисударственный суд оправдал заявителей в связи с недостаточностью доказательств. Иных обвинений предъявлено не было, и Комитет министров закрыл производство по делу, согласившись с выводом властей Соединенного Королевства о том, что заявителям более не грозила смертная казнь (см. окончательную Резолюцию № CM/ResDH(2012)68).

184. Подход, который ограничил бы процесс надзора прямыми указаниями Европейского Суда, устранил бы гибкость, необходимую Комитету министров для осуществления надзора, на основании информации от властей государства-ответчика и с должным учетом изменяющейся ситуации заявителя, за принятием мер, которые являются обоснованными, своевременными, надлежащими и достаточными (см. выше § 155).

185. Необходимость проявления гибкости становится очевидной, когда, как в настоящем контексте, первая жалоба на нарушение статьи 5 Конвенции касается досудебного этапа рассмотрения дела, а поданная позже вторая жалоба на нарушение статьи 6 Конвенции относится к последующему судебному разбирательству по тому же внутрисударственному делу. Таким образом, в обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд в связи с хронологией событий и своими процессуальными нормами был обязан рассмотреть по отдельности соответствующие материально-правовые жалобы из первого и второго Постановлений по делам Маммадова. Также следует отметить, что Европейский Суд признал, что, когда речь идет о политических или иных скрытых мотивах в контексте уголовного преследования, сложно отделить содержание под стражей в рамках избранной меры пресечения от судебного процесса, в рамках которого эта мера назначалась (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Луценко против Украины», § 108).

186. Следовательно, отсутствие явных указаний по исполнению первого Постановления по делу Маммадова не является решающим для рассмотрения вопроса о том, выполнили ли власти Азербайджана свои обязанности, предусмотренные пунктом 1 статьи 46 Конвенции. Важным моментом является тот факт, соответствуют ли

принятые властями Азербайджана меры выводам и духу первого Постановления по делу Маммадова.

187. Следовательно, далее Европейский Суд рассмотрит причины, по которым он признал нарушение статьи 18 Конвенции в совокупности со статьями 5 Конвенции по первому Постановлению по делу Маммадова:

«141. Выше Европейский Суд установил, что обвинения против заявителя не были основаны на “обоснованном подозрении” по смыслу подпункта “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции (в отличие от упоминавшегося выше Постановления Европейского Суда по делу “Ходорковский против Российской Федерации”¹, § 258, см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Луценко против Украины”, § 108). Так, из этого утверждения следует вывод о том, что власти государства-ответчика не смогли продемонстрировать, что они действовали добросовестно. Однако данный вывод сам по себе не является достаточным для предположения о том, что статья 18 Конвенции была нарушена, и всё еще нужно рассмотреть, имеются ли доказательства того, что власти действовали, исходя из ненадлежащих оснований.

142. Европейский Суд полагает, что в настоящем деле в значительной степени можно установить, что такое доказывание следует из совокупности соответствующих относящихся к делу фактов. В частности, Европейский Суд ссылается на все фактические обстоятельства, которые он принял во внимание в связи с оценкой жалобы на нарушение подпункта “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. выше § 92), и полагает их в равной степени относящимися к делу в контексте настоящей жалобы. Более того, Европейский Суд считает, что задержание заявителя было связано с определенными записями заявителя в блоге, сделанными им 25, 28 и 30 января 2013 г.

...143. Изложенные выше обстоятельства указывают на то, что истинной целью обжалуемых мер являлось заставить заявителя замолчать или наказать его за критику в адрес властей государства-ответчика и попытку распространения того, что заявитель полагал истинной информацией, которую власти пытались скрыть. С учетом этих рассуждений Европейский Суд приходит к выводу, что свобода заявителя была ограничена с иной целью, чем доставление его к компетентному органу по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, как это предусмотрено подпунктом “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции.

144. Европейский Суд считает эту информацию достаточным основанием для установления нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьями 5 Конвенции».

188. Таким образом, в первом Постановлении по делу Маммадова Европейский Суд установил не только нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции вследствие отсутствия «обоснованного

¹ См.: Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский против Российской Федерации» (*Khodorkovskiy v. Russia*) от 31 мая 2011 г., жалоба № 5829/04 // Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 3 (примеч. редактора).

подозрения», но и нарушение статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции.

189. Из рассуждений Европейского Суда явно следует, что его вывод применялся как к обвинениям, так и к досудебному этапу рассмотрения дела заявителя. Отсутствуют какие-либо указания на множественность целей данного производства по делу (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии», §§ 277 и 292–308), что могло бы означать, что некоторые этапы производства по делу преследовали законную цель. Более того, в первом Постановлении по делу Маммадова Европейский Суд подчеркнул, что один только факт того, что власти государства-ответчика не смогли продемонстрировать, что они действовали добросовестно, не являлся достаточным для признания нарушения статьи 18 Конвенции. Нарушение произошло, поскольку в своих действиях власти государства-ответчика руководствовались ненадлежащими причинами, поскольку они предъявили заявителю обвинение с целью заставить его замолчать или наказать за критику властей (см. § 143 первого Постановления по делу Маммадова). Данный вывод является основным с учетом объекта и цели статьи 18 Конвенции, которыми являются запрет злоупотребления полномочиями (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии», § 303, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Рашад Хасанов и другие против Азербайджана», § 120). Следовательно, признание Европейским Судом нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции в первом Постановлении по делу Маммадова лишало правового обоснования любое действие, ставшее результатом предъявления заявителю обвинения.

(β) Соответствующие обязанности властей Азербайджана, вытекающие из возложенной на них ответственности

190. Далее Европейский Суд рассмотрит соответствующие обязанности Азербайджана, вытекающие из возложенной на них ответственности, согласно вышеуказанному подходу (см. § 155) и в свете своего вывода относительно природы установления нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции по первому Постановлению по делу Маммадова (см. выше § 189). Европейский Суд полагает, что власти Азербайджана должны были устранить негативные последствия предъявления заявителю обвинения, которое Европейский Суд признал злоупотреблением полномочиями.

191. Из устоявшейся прецедентной практики Европейского Суда по применению статьи 46

Конвенции следует, что власти государства-ответчика должны принимать меры индивидуального характера в рамках своей правовой системы для прекращения установленного Европейским Судом нарушения и устранения его последствий. Целью этих мер является поставить заявителя, насколько это возможно, в положение, в котором бы он находился, если бы требования Конвенции не были нарушены. При осуществлении выбора мер индивидуального характера власти государства-ответчика должны постоянно учитывать их основную цель: достижение *restitutio in integrum* (см. выше §§ 150–151).

192. С учетом вышеизложенного вывода Европейского Суда (см. § 189) первое Постановление по делу Маммадова и соответствующее обязательство *restitutio in integrum* изначально обязывали власти Азербайджана снять или аннулировать обвинения, признанные Европейским Судом злоупотреблением полномочиями, и освободить заявителя из-под стражи. В действительности содержание заявителя под стражей в рамках избранной меры пресечения было завершено постановлением приговора суда первой инстанции в марте 2014 года (см. выше §§ 20 и 76). Однако обвинение с заявителя так и не было снято. Наоборот, последующее признание заявителя виновным было основано на предъявленном ему обвинении. Следовательно, тот факт, что впоследствии заявитель был лишен свободы на основании данного приговора (а не содержался под стражей в соответствии с избранной мерой пресечения), не вернул заявителя в положение, в котором он бы находился, если бы требования Конвенции были выполнены. В связи с этим основное обязательство по-прежнему требовало, чтобы были устранены негативные последствия предъявления заявителю обжалуемого обвинения, включая освобождение заявителя из-под стражи.

193. Таким образом, Европейский Суд должен рассмотреть, можно ли было достичь *restitutio in integrum* в форме устранения негативных последствий предъявления заявителю обвинения, которое было признано Европейским Судом злоупотреблением полномочиями, или это было «физически невозможно» или «влекло за собой бремя, которое совершенно непропорционально выгоде от получения реституции вместо компенсации» (см. выше § 151).

194. Что касается указанных вопросов, Европейский Суд отмечает, что власти Азербайджана никогда не утверждали, что имелись какие-либо препятствия для достижения *restitutio in integrum* на основании обстоятельств, которые можно было бы назвать «физически невозможными» или которые «влекли бы за собой бремя, которое было совершенно непропорционально пользе от получения реституции вместо компенсации». В связи с этим Европейский Суд повторяет, что именно власти

государства-ответчика должны устранять все препятствия в своей правовой системе, которые могут препятствовать надлежащему исправлению ситуации заявителя (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маэстри против Италии» (*Maestri v. Italy*), жалоба № 39748/98, *ECtHR* 2004-I, § 47). Европейский Суд приходит к выводу, что в настоящем деле отсутствовали препятствия для достижения *restitutio in integrum*.

(γ) Вывод

195. Европейский Суд проанализировал характер своего вывода о нарушении статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции в первом Постановлении по делу Маммадова и установил соответствующее обязательство *restitutio in integrum*, которое несут власти Азербайджана согласно пункту 1 статьи 46 Конвенции и которое требует от властей государства-ответчика устранить негативные последствия предъявления заявителю обвинения, которое было признано Европейским Судом злоупотреблением полномочиями, и освободить заявителя из-под стражи. Европейский Суд напоминает, что власти Азербайджана свободны в выборе средств выполнения обязательств, предусмотренных пунктом 1 статьи 46 Конвенции, если такие средства соответствуют «выводам и духу» постановления Европейского Суда (см. выше §§ 148–149 и 153). Следовательно, ниже Европейский Суд рассмотрит меры индивидуального характера, принятые властями Азербайджана, для выполнения указанного обязательства и оценку этих мер Комитетом министров в ходе осуществления надзора за исполнением первого Постановления по делу Маммадова.

(ii) Исполнение первого Постановления Европейского Суда по делу Маммадова

(α) Меры индивидуального характера, принятые властями Азербайджана

196. Первоначальная позиция властей Азербайджана, изложенная в их плане действий, заключалась в том, что нарушение Конвенции было исправлено фактом рассмотрения дела заявителя внутригосударственными судами.

197. Когда Комитет министров предложил властям Азербайджана представить свою позицию перед началом производства по вопросу неисполнения первого Постановления по делу Маммадова, власти государства-ответчика указали, что 13 октября 2015 г. Верховный суд Азербайджана отменил решение Шекинского апелляционного суда от 24 сентября 2014 года. Верховный суд Азербайджана установил, что отклонение нижестоящим судом ходатайств заявителя о допросе дополнительных свидетелей и об исследовании

дополнительных доказательств противоречило внутригосударственным процессуальным нормам и требованиям статьи 6 Конвенции, и вернул дело в указанный суд на новое рассмотрение. Власти Азербайджана посчитали, что в решении от 29 апреля 2016 г. Шекинский апелляционный суд тщательное рассмотрел выводы Европейского Суда из первого Постановления по делу Маммадова и исправил недостатки производства, завершившегося постановлением приговора по делу заявителя (см. выше §§ 40, 43 и 127).

198. Власти Азербайджана в рамках более широкой реформы уголовного законодательства также приняли нормы, позволяющие заявителю обратиться за условно-досрочным освобождением с учетом срока, уже проведенного им под стражей (см. Приложение, и §§ 8–10 и 20 изложенной в Приложении позиции властей Азербайджана).

199. После вынесения второго Постановления по делу Маммадова и после подачи заявителем жалобы Шекинский апелляционный суд 13 августа 2018 г. повторно пересмотрел приговор по делу заявителя и снова оставил его без изменения. Однако Шекинский апелляционный суд освободил заявителя из-под стражи. Хотя власти Азербайджана назвали это безусловным освобождением, Комитет министров и заявитель считали его условным (см. выше §§ 125 и 142). Власти государства-ответчика указали, что этого события было достаточно, чтобы удовлетворить требование по исполнению первого Постановления Европейского Суда (см. выше §§ 133–134). 28 марта 2019 г. Верховный суд Азербайджана частично удовлетворил жалобу заявителя на решение Шекинского апелляционного суда от 13 августа 2018 года. Верховный суд Азербайджана снизил совокупный срок назначенного заявителю наказания, отметив, что оно уже было отбыто заявителем, учитывая срок, проведенный им под стражей. Верховный суд Азербайджана также отменил условный двухлетний срок, назначенный Шекинским апелляционным судом решением от 13 августа 2018 г. (см. выше § 73).

(β) Оценка указанных мер Комитетом министров

200. При первом рассмотрении дела (2–4 декабря 2014 г.) на 1214-м заседании, учитывая представленный властями Азербайджана план действий, Секретариат Комитета министров сообщил, что «нарушение статьи 18 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 5 Конвенции, ставит под сомнение суть уголовного дела против заявителя» и что будет полезно, если власти Азербайджана сообщат Комитету министров о мерах, которые они планируют предпринять для устранения последствий этого нарушения в контексте уголовного дела, по-видимому, рассматриваемого Верховным судом Азербайджана (см. выше § 45). В сообщении

Секретариата Комитета министров также указывалось следующее:

«С учетом серьезных выводов Европейского Суда в настоящем деле освобождение заявителя из-под стражи будет являться первой важной мерой, которая должна рассматриваться в приоритетном порядке и незамедлительно в соответствии с внутригосударственным законодательством».

201. Решением, принятым на рассматриваемом заседании, Комитет министров призвал власти Азербайджана обеспечить незамедлительное освобождение заявителя из-под стражи (см. выше § 45).

202. После принятия этого решения Комитет министров продолжил настаивать на необходимости «безотлагательного» освобождения заявителя из-под стражи и постоянно следил за рассмотрением внутригосударственного уголовного дела в ходе осуществления надзора за исполнением первого Постановления по делу Маммадова (см. выше §§ 41–44). После второго рассмотрения, когда 13 января 2015 г. Верховный суд Азербайджана отложил *sine die* рассмотрение жалобы заявителя, Комитет министров призвал «безотлагательно» освободить заявителя из-под стражи (см. промежуточную Резолюцию № CM/ResDH(2015)43 от 12 марта 2015 г.), далее на следующем заседании Комитет министров первый раз призвал «незамедлительно» освободить заявителя из-под стражи (см. решение, принятое 11 июня 2015 г. на 1230-м заседании). После того, как 13 октября 2015 г. дело заявителя было возвращено Верховным судом Азербайджана на новое рассмотрение, Комитет министров призвал освободить заявителя «без дальнейших задержек». Вслед за вынесением Верховным судом Азербайджана окончательного решения 18 ноября 2016 г. Комитет министров снова призвал «незамедлительно» освободить заявителя из-под стражи (см. выше § 58). В июне 2017 года, получив информацию о том, что власти Азербайджана планировали внести изменения во внутригосударственное законодательство, которые позволили бы заявителю обратиться за условно-досрочным освобождением, Комитет министров также потребовал «незамедлительного» освобождения заявителя из-под стражи (см. выше §§ 60–62).

203. Комитет министров также призвал власти Азербайджана указать дальнейшие меры, которые они приняли или планируют принять с целью исполнить первое Постановление по делу Маммадова и оперативно устранить (насколько это возможно) остальные последствия серьезных нарушений Конвенции для заявителя (см. выше § 45).

204. После освобождения заявителя из-под стражи 13 августа 2018 г. Комитет министров запросил у властей Азербайджана информацию по поводу этого факта, а также получил комментарии самого заявителя. Комитет министров рассмотрел эти данные на заседании в сентябре 2018 года, но не принял каких-либо решений (см. выше §§ 71–72).

(iii) Выполнили ли власти Азербайджана свою предусмотренную пунктом 1 статьи 46 Конвенции обязанность исполнить вступившее в силу первое Постановление Европейского Суда по делу Маммадова

(α) Обеспечивали ли меры индивидуального характера *restitutio in integrum*

205. Европейский Суд установил, что первое Постановление по делу Маммадова требовало по сути, чтобы были устранены негативные последствия возбуждения против заявителя обжалуемого уголовного дела (см. выше § 192). Комитет министров полагал, что надлежащей мерой для обеспечения возмещения было безусловное освобождение заявителя. Власти Азербайджана утверждали, что пересмотр дела заявителя Шекинским апелляционным судом в 2016 и 2018 годах являлся достаточной мерой индивидуального характера (см. выше §§ 127 и 133). Власти государства-ответчика также полагали, что решение Верховного суда Азербайджана от 28 марта 2019 г. создало новые обстоятельства по вопросу исполнения первого Постановления по делу Маммадова, которые должны быть учтены Европейским Судом в рамках настоящего рассмотрения дела (см. выше § 146).

206. Европейский Суд должен ответить на вопрос о том, выполнили ли власти Азербайджана свою предусмотренную пунктом 1 статьи 46 обязанность, взяв за отправную точку дату обращения Комитета министров в Европейский Суд (см. выше §§ 169 и 171).

207. В связи с этим Европейский Суд полагает, что на момент обращения Комитета министров в Европейский Суд уже было очевидно, что на внутригосударственном уровне возмещение ущерба не было обеспечено. Действительно, 29 апреля 2016 г., пересматривая дело заявителя, Шекинский апелляционный суд отклонил как некорректные выводы Европейского Суда из первого Постановления по делу Маммадова в отношении подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции и не отметил иные установленные нарушения, включая нарушение статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции (см. выше § 25). Шекинский апелляционный суд счел, что по делу заявителя было собрано достаточно доказательств, которые были всесторонне и объективно оценены судом первой инстанции (см. выше § 26). Комитет министров тщательно следил за рассмотрением дела заявителя внутригосударственными судами и пришел к выводу, что указанные суды не устранили негативные последствия нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции, установленные в первом Постановлении по делу Маммадова.

208. Что касается возможности возникновения вопроса о том, было ли уместно со стороны

Комитета министров требовать освобождения заявителя из-под стражи с самого начала процесса исполнения первого Постановления по делу Маммадова и до завершения производства по делу заявителя на внутригосударственном уровне, Европейский Суд уже сделал вывод о том, что установление факта нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции в первом деле Маммадова означало признание производства по уголовному делу заявителя необоснованным (см. выше § 189). Таким образом, было бы логичным требовать срочного освобождения заявителя из-под стражи (см. выше § 192). Даже если предположить, что в целях *restitutio in integrum* было достаточно подождать, пока в рамках соответствующего внутригосударственного производства будут устранены недостатки, выявленные в первом Постановлении о деле Маммадова, Европейский Суд отмечает, что производство по делу заявителя не устранило рассматриваемых проблем.

209. Недостатки, установленные в первом Постановлении по делу Маммадова, были впоследствии подтверждены Европейским Судом во втором Постановлении по делу Маммадова. В первом Постановлении по делу Маммадова Суд рассмотрел судебное разбирательство по делу заявителя с особой тщательностью ввиду *prima facie* недостаточной достоверности обвинений в адрес заявителя (см. выше § 76, в котором цитируется второе Постановление по делу Маммадова, § 203).

210. В контексте статьи 6 Конвенции Европейский Суд установил, что приговор по делу заявителя был основан на некорректных или неправильно истолкованных доказательствах и что доказательства в пользу заявителя систематически отклонялись без приведения достаточных на то оснований или явно необоснованным образом. Даже после возвращения дела Верховным судом Азербайджана на новое рассмотрение ни одно из этих нарушений не было устранено. Европейский Суд пришел к выводу, что уголовное дело в отношении заявителя, рассмотренное в целом, не отвечало требованиям справедливого судебного разбирательства (см. выше § 77).

211. Следовательно, Европейский Суд полагает, что последствия установления нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции в первом Постановлении по делу Маммадова не были устранены фактом вынесения второго Постановления по делу Маммадова, которое фактически подтвердило необходимость в мерах индивидуального характера, вытекавшую из первого Постановления по делу Маммадова.

212. Власти Азербайджана считали решение Шекинского апелляционного суда от 13 августа 2018 г. способом устранения негативных последствий возбуждения уголовного дела, которое впоследствии было раскритиковано как проявление злоупотребления полномочиями. В этом реше-

нии Шекинский апелляционный суд в очередной раз отклонил выводы Европейского Суда и только дал указание освободить заявителя условно (см. выше §§ 31–32). Решением Верховного суда Азербайджана от 28 марта 2019 г. условное освобождение было впоследствии отменено, а назначенное заявителю приговором наказание было признано отбытым полностью (см. выше § 73). По существу указанное решение Верховного суда Азербайджана подтвердило на самом высоком уровне факт осуждения заявителя и то обстоятельство, что суды Азербайджана отказывались принимать во внимание выводы Европейского Суда. В любом случае оба рассматриваемых судебных решения были приняты уже после передачи настоящего дела на рассмотрение Европейского Суда.

213. Обобщая сказанное, Европейский Суд, соглашаясь с подходом, изложенным выше в §§ 168 и 171, рассмотрел текст первого Постановления по делу Маммадова и соответствующие обязательства властей государства-ответчика, вытекающие из их ответственности. Затем Европейский Суд рассмотрел принятые властями Азербайджана меры и их оценку Комитетом министров в ходе осуществления надзора за исполнением первого Постановления по делу Маммадова, а также позицию властей государства-ответчика и доводы заявителя. Прежде, чем сделать вывод о том, выполнили ли власти Азербайджана свои обязательства, предусмотренные пунктом 1 статьи 46 Конвенции, для исполнения первого Постановления по делу Маммадова или нет, Европейский Суд полагает уместным изложить некоторые заключительные доводы.

(β) Заключительные доводы

214. Исполнение постановления Европейского Суда должно характеризоваться добросовестными мерами, принятыми Высокой Договаривающейся Стороной. Как Европейский Суд отметил в первом Постановлении по делу Маммадова (см. выше § 137), вся структура Конвенции строится на общем предположении о том, что власти государств-членов действуют добросовестно. Эта структура включает в себя процедуру осуществления надзора, а исполнение постановлений также должно осуществляться добросовестно и способом, соответствующим «выводам и духу» постановления (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эмре против Швейцарии (№ 2)», § 75). Более того, важность добросовестно исполняемого обязательства имеет ключевое значение, когда Европейский Суд устанавливает нарушение статьи 18 Конвенции, объектом и целью которой является запрет злоупотребления полномочиями (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии», см. также выше § 189).

215. Европейский Суд также напоминает свою устоявшуюся прецедентную практику о том, что Конвенция предназначена для защиты прав, которые являются не теоретическими или иллюзорными, а применимыми на практике и эффективными (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания G.I.E.M. S.r.l. и другие против Италии» (G.I.E.M. S.r.l. and Others v. Italy) от 28 июня 2018 г., жалоба № 1828/06 и две другие жалобы¹, § 216, Постановление Европейского Суда по делу «Эйри против Ирландии» (Airey v. Ireland) от 9 октября 1979 г., Series A, № 32, § 24), а неисполнение вступившего в силу, обязывающего к исполнению постановления суда вероятно приведет к ситуации, не отвечающей принципу верховенства права, который Договаривающиеся Государства обязались соблюдать, когда ратифицировали Конвенцию (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хорнсби против Греции» (Hornsby v. Greece) от 19 марта 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997-II, § 40). Эти принципы часто упоминались Европейским Судом в его прецедентной практике при рассмотрении по существу поданных жалоб. Европейский Суд полагает, что такие принципы в равной степени применимы и к процессу исполнения постановлений. Действительно, Протокол № 14 к Конвенции подчеркивает, что быстрое и полное исполнение постановлений Европейского Суда является существенно важным для защиты прав заявителя, а также поскольку авторитет Европейского Суда и надежность системы в большой степени зависят от эффективности указанного процесса.

216. Европейский Суд повторяет, что власти Азербайджана выполнили некоторые действия для исполнения первого Постановления по делу Маммадова. Они выплатили заявителю справедливую компенсацию, присужденную Европейским Судом (см. выше § 178). Они также предоставили план действий, который, по мнению властей Азербайджана, содержал меры, способные исполнить первое Постановление по делу Маммадова (см. выше §§ 40–44 и 179). 13 августа 2018 г. Шекинский апелляционный суд освободил заявителя из-под стражи (см. выше § 71), хотя, как отметил Европейский Суд, это освобождение было условным и сопровождалось ограничением прав заявителя на протяжении почти восьми месяцев, пока ограничения не были сняты Верховным судом Азербайджана решением от 28 марта 2019 г. (см. выше § 73). Однако, как указывалось выше, оба рассматриваемых судебных решения были вынесены после передачи в Европейский Суд вопроса об исполнении властями государства-ответчика обязательств, вытекающих из первого Постановления по делу Маммадова.

217. С учетом вышеизложенных выводов (см. выше §§ 207–213) указанные ограниченные меры не позволяют Европейскому Суду сделать вывод о том, что власти Азербайджана в данном деле действовали «добросовестно», способом, соответствующим «выводам и духу» первого Постановления по делу Маммадова, или таким образом, который сделал бы применимой на практике и эффективной защиту конвенционных прав, признанных Европейским Судом нарушенными в указанном Постановлении.

5. Вывод

218. Отвечая на вопрос, переданный ему на рассмотрение Комитетом министров, Европейский Суд полагает, что власти Азербайджана не выполнили свою обязанность исполнить первое Постановление по делу Маммадова, как того требует пункт 1 статьи 46 Конвенции.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда единогласно:

постановила, что имело место нарушение пункта 1 статьи 46 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 29 мая 2019 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Родерик ЛИДДЕЛЛ
Секретарь Большой
Палаты Суда

Ангелика НУССБЕРГЕР
Председатель Большой
Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(а) совместное совпадающее мнение судей Анны Юдковской, Пауло Пинто де Альбукерке, Кшиштофа Войтычека, Дмитрия Дедова, Юлии Антоанеллы Моток, Алёны Полачковой и Латифа Хусейнова;

(b) совпадающее мнение судьи Кшиштофа Войтычека;

(c) совпадающее мнение судьи Юлии Антоанеллы Моток.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АННЫ ЮДКОВСКОЙ, ПАУЛО ПИНТО ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ, КШИШТОФА ВОЙТЫЧЕКА, ДМИТРИЯ ДЕДОВА, ЮЛИИ АНТОАНЕЛЛЫ МОТОК, АЛЁНЫ ПОЛАЧКОВОЙ И ЛАТИФА ХУСЕЙНОВА

1. Мы согласны с выводом настоящего Постановления о том, что на момент, когда Комитет министров Совета Европы (далее – Комитет министров) передал соответствующий вопрос на рассмо-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 11 (примеч. редактора).

трение Европейского Суда, власти Азербайджана не выполнили свою предусмотренную пунктом 1 статьи 46 Конвенции обязанность исполнить Постановление Европейского Суда по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan) от 22 мая 2014 г. (далее – первое Постановление по делу Маммадова). Однако со всем уважением мы не согласны с подходом, который применили большинство судей в мотивировочной части настоящего Постановления. Наше несогласие относится, в частности, к следующим моментам: (1) толкованию первого Постановления по делу Маммадова и (2) оценке полномочий Комитета министров согласно пункту 2 статьи 46 Конвенции в контексте дел, рассматриваемых Европейским Судом и внутригосударственными судами.

1. ТОЛКОВАНИЕ ПЕРВОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ДЕЛУ МАММАДОВА

2. Крайне важно определить точные пределы действия первого Постановления по делу Маммадова. В мотивировочной части этого Постановления Европейский Суд указал следующее:

«79. Следовательно, события, описанные в последующих замечаниях заявителя, попадают в сферу рассмотрения настоящего дела. В связи с этим Европейский Суд продолжит рассмотрение жалоб заявителя, связанных с содержанием его под стражей в рамках избранной меры пресечения, учитывая все доступные ему соответствующие фактические данные, включая последнее продление срока содержания заявителя под стражей постановлением Насиминского районного суда от 14 августа 2013 г., оставленным без изменения 20 августа 2013 г. [срок содержания под стражей был продлен до 4 ноября 2013 г., см. § 53 настоящего Постановления]...

100. Европейский Суд принимает во внимание тот факт, что дело заявителя было направлено в суд (длительное содержание заявителя под стражей во время судебного разбирательства и непосредственно судебных слушаний еще не было обжаловано в Европейский Суд). Однако это не влияет на выводы Европейского Суда относительно настоящей жалобы, в которой Европейский Суд призван рассмотреть, было ли лишение заявителя свободы до суда оправдано информацией или фактами, доступными в рассматриваемое время. В этом отношении, принимая во внимание изложенные выше доводы, Европейский Суд полагает, что представленные ему материалы не отвечают минимальным стандартам, установленным подпунктом “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении обоснованности подозрения, требуемого для задержания лица и помещения его под стражу. Следовательно, не было убедительно доказано, что в течение рассматриваемого в настоящем деле Европейским Судом периода заявитель был бы лишен свободы на основании “обоснованного подозрения” в совершении преступления».

3. Таким образом, первое Постановление по делу Маммадова было ограничено событиями, которые произошли до 4 ноября 2013 г. вклю-

чительно. Досудебный этап рассмотрения дела, начавшийся в указанную дату, был подробно рассмотрен в § 100 указанного Постановления в качестве периода, который мог стать предметом отдельной жалобы. Он не рассматривался в качестве длящейся ситуации, которая началась до судебного разбирательства.

4. 6 января 2015 г. заявитель подал вторую жалобу, которая завершилась вынесением 16 ноября 2017 г. Постановления Европейского Суда по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана (№ 2)» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan) (№ 2) (далее – второе Постановление по делу Маммадова). Заявитель обжаловал, *inter alia* (см. с. 7 жалобы) его содержание под стражей с 20 августа 2013 г. как минимум по 17 марта 2014 г., когда судом первой инстанции был постановлен приговор по делу заявителя.

5. Европейский Суд признал эту часть жалобы неприемлемой для рассмотрения по существу (см. § 4 второго Постановления по делу Маммадова). Данный вывод косвенно подтверждает тот факт, что содержание заявителя под стражей с 20 августа 2013 г. по 17 марта 2014 г. рассматривалось не как часть длящегося нарушения, начавшегося 4 февраля 2013 г., а как новая ситуация, отличавшаяся от предыдущего нарушения. Европейский Суд отказался рассматривать эту новую ситуацию во втором Постановлении по делу Маммадова. В результате заявитель не смог опровергнуть презумпцию того, что его содержание под стражей после 20 августа 2013 г. соответствовало требованиям Конвенции.

6. Таким образом, пределы первого Постановления по делу Маммадова были четко и повторно уточнены Европейским Судом во втором Постановлении по делу Маммадова следующим образом:

«Пределы рассмотрения дела Ильгара Маммадова были, таким образом, ограничены вопросами соблюдения подпункта “с” пункта 1 и пункта 4 статьи 5 и статьи 18 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей до суда (§ 202)».

7. Европейский Суд также подчеркнул, что во втором Постановлении по делу Маммадова он «должен был рассмотреть иной круг юридических вопросов, а именно, было ли производство по уголовному делу заявителя, рассмотренное в целом, справедливым, как того требует статья 6 Конвенции» (см. *ibid.*). Вместе с тем, соглашаясь, что общая предыстория дела заявителя осталась без изменений, Европейский Суд пояснил, что далее он «перейдет к рассмотрению на основании статьи 6 Конвенции вопроса о том, был ли этот недостаток компенсирован представленными в суде доказательствами и причинами, указанными внутригосударственными судами» (§ 203).

8. Таким образом, вопреки позиции Комитета министров (см. ниже) Европейский Суд явно признал, что, несмотря на установление нарушения статьи 18 Конвенции, предыдущие недо-

статки, указанные в первом Постановлении по делу Маммадова, могли бы быть компенсированы в ходе последовавшего судебного разбирательства. Следовательно, власти Азербайджана имели возможность выбрать средства, с помощью которых они могли пресечь установленное Европейским Судом нарушение и, в частности, могли (и должны были бы) обеспечить, чтобы заявитель, в отношении которого на тот момент суд первой инстанции уже постановил приговор, был обвинен на основании веских доказательств и чтобы имелись относящиеся к делу и достаточные основания для содержания заявителя под стражей.

9. В данном контексте мы также отмечаем, что в первом Постановлении по делу Маммадова Европейский Суд воздержался от указания на освобождение заявителя из-под стражи как на надлежащую меру по исполнению его Постановления.

11. В § 189 настоящего Постановления, *in fine*, большинство судей высказались следующим образом:

«Следовательно, признание Европейским Судом нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции в первом Постановлении по делу Маммадова лишало правового обоснования любое действие, ставшее результатом предъявления заявителем обвинения».

Такое толкование первого Постановления по делу Маммадова противоречит толкованию, содержащемуся во втором Постановлении по делу Маммадова, изложенному выше.

II. ОЦЕНКА ПОЛНОМОЧИЙ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ СОГЛАСНО ПУНКТУ 2 СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ДЕЛ, РАССМАТРИВАЕМЫХ ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫМИ СУДАМИ

12. В настоящем деле затронуты деликатные вопросы уважения принципа независимости суда в случаях, когда постановления Европейского Суда должны исполняться внутригосударственными судами.

13. Общие последствия действия принципа верховенства права, указанного в Преамбуле к Конвенции, включают судебную независимость, которая является важным аспектом права на справедливое судебное разбирательство, закрепленного в статье 6 Конвенции. Европейский Суд объяснил значение судебной независимости, как она защищается этим положением, следующими выражениями в деле «Агрокомплекс против Украины» (*Agrokompleks v. Ukraine*) (Постановление от 6 октября 2011 г., жалоба № 23465/03):

«133. Европейский Суд уже осудил в крайне жестких выражениях попытки внесудебных органов власти вмешаться в судебное разбирательство, считая его *ipso facto* несовместимым с понятием “независимого и беспристрастного суда” по смыслу пункта 1 статьи 6

Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу “Холдинг “Совтрансавто” против Украины” (*Sovtransavto Holding v. Ukraine*), жалоба № 48553/99, *ECHR* 2002-VII, § 80, и Решение Европейского Суда по делу “Агросервис против Украины” (*Agrotehservis v. Ukraine*) от 19 октября 2004 г., жалоба № 62608/00).

134. В соответствии со своим подходом, приведенным в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу “Холдинг “Совтрансавто” против Украины”, § 80, Европейский Суд полагает, что не имеет значения, действительно ли обжалуемые внешние воздействия повлияли на ход производства по делу. Поскольку вмешательства осуществлялись исполнительными и законодательными органами власти, они свидетельствуют о недостаточном уважении к самому институту суда и оправдывают опасения компании-заявительницы относительно независимости и беспристрастности судов...

136. Европейский Суд подчеркивает в этой связи, что пределы обязанности государства обеспечить разбирательство дела “независимым и беспристрастным судом” согласно пункту 1 статьи 6 Конвенции не ограничиваются судебной властью. Данная обязанность также подразумевает соответствующее обязательство органов исполнительной, законодательной и иной власти государства, независимо от их уровня, по исполнению решений судов, даже если они с ними не согласны. Так, уважение государством авторитета судов является обязательным предварительным условием для уверенности общества в судебной системе и, говоря более общим словом, в принципе верховенства права. Чтобы ситуация была именно такой, конституционных гарантий независимости и беспристрастности судебной системы недостаточно. Они должны эффективно применяться в повседневной административной работе и практике».

14. Согласно этой прецедентной практике любой орган государственной власти должен воздерживаться от вмешательства в проводимое судебное разбирательство, включая высказывание мнений относительно правильного разрешения спора.

15. Большинство судей Европейского Суда обобщили подход Комитета министров к надзору за исполнительным процессом следующим образом:

«Комитет министров тщательно следил за рассмотрением дела заявителя внутригосударственными судами и пришел к выводу, что указанные суды не устранили негативные последствия от нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции, установленные в первом Постановлении по делу Маммадова (§ 203, *in fine*)».

16. Здесь мы бы хотели отметить, что с самого начала рассмотрения настоящего дела, 2 декабря 2014 г., и до инициирования настоящего производства по вопросу неисполнения властями государства-ответчика Постановления Европейского Суда по делу Маммадова Комитет министров постоянно требовал освободить заявителя незамед-

лительно (безусловно) из-под стражи. По мнению Комитета министров, это являлось единственной мерой индивидуального характера, которая могла считаться исполнением первого Постановления по делу Маммадова. Действительно, это являлось решающим моментом, побудившим Комитет министров полагать, что «власти Азербайджана отказываются исполнять вступившее в силу Постановление Европейского Суда», и, видимо, единственной причиной применения Комитетом министров пункта 4 статьи 46 Конвенции.

17. Мы подчеркиваем, что на момент рассмотрения жалобы заявителя внутригосударственными судами Комитет министров фактически вмешался в процесс внутригосударственного судебного разбирательства, настаивая, чтобы власти государства-ответчика незамедлительно освободили заявителя, и оспаривая справедливость указанного разбирательства. Мы полагаем, что такое вмешательство непозволительно, поскольку его трудно согласовать с принципом независимости судебной власти.

18. Кроме того, настоящее дело также затрагивает крайне деликатный вопрос относительно уважения независимости международного судебного органа по защите прав человека, когда данный орган рассматривает дела, затрагивающие вопросы исполнения ранее вынесенных этим же судом постановлений. Чтобы обеспечить надлежащее отправление правосудия Европейским Судом, важно, чтобы все задействованные стороны международного процесса, включая государства и органы Совета Европы, уважали бы независимость Европейского Суда и воздерживались бы от вмешательства в рассмотрение конкретных дел.

19. Власти Азербайджана были официально уведомлены о втором деле Маммадова 20 сентября 2016 г. С этого дня публично было объявлено, что Европейский Суд собирался рассматривать жалобу на несправедливость судебного разбирательства по делу заявителя. В таком контексте, поскольку Комитет министров прямо указал, что производство по уголовному делу заявителя характеризовалось нарушениями, можно считать, что он вмешался в рассмотрение дела Европейским Судом. По нашему мнению, сталкиваясь с аналогичными ситуациями, Комитет министров должен воздерживаться от высказывания мнений, которые могут повлиять на исход рассмотрения текущего дела и от формирования определенной позиции по вопросам, которые будут рассмотрены Европейским Судом.

ВЫВОД

20. Обобщая сказанное и учитывая ограниченную сферу действия первого Постановления по делу Маммадова, как объяснено выше, и принимая во внимание тот факт, что уголовное дело

в отношении заявителя всё еще рассматривалось внутригосударственными судами, Комитет министров не мог указывать, что единственным способом исполнения этого Постановления являлось незамедлительное (безусловное) освобождение заявителя из-под стражи. В связи с этим мы не можем согласиться с выводом, подразумевающим, что власти Азербайджана нарушили свою обязанность по исполнению первого Постановления по делу Маммадова, поскольку они не освободили заявителя из-под стражи незамедлительно (безусловно). Прямое требование освобождения заявителя из-под стражи следовало из второго Постановления по делу Маммадова. Мы полагаем, что власти государства-ответчика не исполнили первое Постановление по делу Маммадова, так как в ходе соответствующего апелляционного судопроизводства власти Азербайджана не устранили недостатки, выявленные Европейским Судом в указанном Постановлении.

21. Мы полагаем, что надзорные полномочия Комитета, предусмотренные пунктом 2 статьи 46 Конвенции, не являются безграничными. Указанные Комитетом министров в рамках процесса осуществления надзора меры должны соответствовать выводам Европейского Суда. В ходе производства по вопросу неисполнения властями государства-ответчика постановления Европейского Суда он должен иметь возможность оценить, отвечали ли указанные выше меры положениям соответствующего постановления Европейского Суда.

22. В заключение мы хотели бы подчеркнуть необходимость установления надлежащих гарантий, которые бы обеспечивали, чтобы полномочия Комитета министров по надзору за исполнением постановлений Европейского Суда не означали бы вмешательство в незавершенное разбирательство во внутригосударственных судах, а также в Европейском Суде.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КШИШТОФА ВОЙТЫЧЕКА

1. Со всем уважением я не согласен с подходом, использованным большинством судей в мотивировочной части Постановления Большой Палаты Европейского Суда по настоящему делу. Несколько причин моего несогласия изложены в совместном совпадающем мнении судей Анны Юдковской, Пауло Пинто де Альбукерке, Кшиштофа Войтычека, Дмитрия Дедова, Юлии Антоанеллы Моток, Алёны Полачковой и Латифа Хусейнова. Я хотел бы немного дополнить эти рассуждения. Мои сомнения обусловлены следующими моментами: (1) процедурой, использованной Европейским Судом в настоящем деле, (2) толкованием пункта 2 статьи 46 Конвенции, определяющим полномочия Комитета министров Совета Европы (далее – Комитет министров) в отношении исполнения постановлений

Европейского Суда, и (3) толкованием пункта 5 статьи 46 Конвенции.

2. Как объяснено в совместном совпадающем мнении судей Анны Юдковской, Пауло Пинто де Альбукерке, Кшиштофа Войтычека, Дмитрия Дедова, Юлии Антоанеллы Моток, Алёны Полачковой и Латифа Хусейнова, в Постановлении по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана (№ 2)» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan) (№ 2) от 16 ноября 2017 г., жалоба № 919/15, Европейский Суд четко указал, что, несмотря на установление нарушения статьи 18 Конвенции, недостатки, указанные в Постановлении от 22 мая 2014 г. по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan) (жалоба № 15172/13), могли быть исправлены в ходе последующего судебного разбирательства. Следовательно, власти государства-ответчика располагали выбором средств, с помощью которых они могли прекратить установленное Европейским Судом нарушение и, в частности, могли решить:

(i) отменить избранную в отношении заявителя меру пресечения в виде заключения под стражу;

(ii) оставить заявителя под стражей до суда и продолжить рассматривать предъявленное ему обвинение только на основании убедительных доказательств, подтверждающих обвинение в отношении заявителя, предоставляя в то же время относящиеся к делу и достаточные причины для того, чтобы заявитель оставался под стражей.

Власти государства-ответчика не сделали ничего из вышеуказанного.

3. В настоящем деле большинство судей Европейского Суда высказали в § 189 Постановления следующую мысль:

«Следовательно, признание Европейским Судом нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции в первом Постановлении по делу Маммадова лишало правового обоснования любое действие, ставшее результатом предъявления заявителю обвинения».

Такое толкование Постановления от 22 мая 2014 г. не только противоречит позиции Европейского Суда в указанном Постановлении от 16 ноября 2017 г.: по тем же причинам также имеется расхождение между мнением, высказанным Комитетом министров, и мнением Европейского Суда относительно способа исполнения Постановления от 22 мая 2014 г.

I. ВОЗБУЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПРОТИВ ВЛАСТЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

4. Первая сложность в настоящем деле заключается в точном определении объекта и цели производства на основании пункта 4 статьи 46 Конвенции. Данное положение Конвенции гласит следующее:

«Если Комитет министров считает, что Высокая Договаривающаяся Сторона отказывается подчиниться окончательному постановлению по делу, в котором она выступает стороной, он вправе после направления официального уведомления этой Стороне и путем принятия решения большинством голосов в две трети от числа представителей, уполномоченных принимать участие в работе Комитета, передать на рассмотрение Суда вопрос, не нарушила ли эта Сторона свое обязательство, установленное в соответствии с пунктом 1».

Не ясно, является ли целью производства установить: (i) исполнили ли власти государства-ответчика все требования постановления Европейского Суда, независимо от этапа исполнения, (ii) выполнили ли власти государства-ответчика все меры, необходимые для исполнения вступившего в силу постановления Европейского Суда, на момент передачи дела в Европейский Суд, или (iii) приняли ли власти государства-ответчика меры, необходимые для исполнения вступившего в силу постановления Европейского Суда, на момент вынесения Европейским Судом решения относительно пункта 4 статьи 46 Конвенции. Учитывая неопределенность в отношении объекта и цели рассматриваемого производства, сторонам было непросто доказывать свою позицию по делу. В целях процессуальной справедливости было бы предпочтительнее, если бы в решении Европейского Суда в этом отношении сообщалось, когда власти государства-ответчика уведомляются о возбуждении производства на основании пункта 4 статьи 46 Конвенции.

В любом случае, по-моему, государства обязаны исполнять постановление Европейского Суда в течение разумного срока, и поэтому тот факт, что необходимые меры были приняты, не означает, что предусмотренные статьей 46 Конвенции обязанности были выполнены, если эти меры были осуществлены с необоснованной задержкой. Таким образом, Европейский Суд полномочен оценивать не только то, были ли приняты достаточные меры, но и то, были ли эти меры приняты своевременно, а также он может оценивать ситуацию до принятия решения в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции.

II. ТОЛКОВАНИЕ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

7. Большинство судей Европейского Суда выразили следующее мнение относительно полномочий Комитета министров относительно исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека:

«154. Хотя Европейский Суд в некоторых ситуациях может указывать на особое средство правовой защиты или на иные меры, которые должны принять власти государства-ответчика, именно Комитет министров всё еще должен оценивать применение таких мер согласно пункту 2 статьи 46 Конвенции...

155. Более того, Европейский Суд повторяет, что, учитывая многообразие мер, доступных для восстановления *restitutio in integrum*, и характер затронутых вопросов, осуществляя свои полномочия в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции, Комитет министров находится в лучшем положении, чем Европейский Суд, чтобы оценить особые меры, которые необходимо предпринять. Таким образом, Комитету министров следует оставить осуществление надзора на основании информации, предоставленной властями государства-ответчика и с должным учетом изменяющейся ситуации заявителя, за принятием таких мер, которые были бы обоснованными, своевременными, надлежащими и достаточными для обеспечения максимально возможного возмещения последствий нарушений, установленных Европейским Судом...» (текст выделен мною. – К.В.).

8. Я не согласен с этим подходом, который выделяет особую роль Комитета министров при определении правовых последствий нарушений Конвенции.

Статья 32 Конвенции («Компетенция Суда») звучит следующим образом:

«1. В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34 и 47.

2. В случае спора относительно компетенции Суда по конкретному делу вопрос решает сам Суд».

Согласно прецедентной практике международных судов применение договора затрагивает вопросы, касающиеся возмещения за нарушения указанного договора (см., в частности, Постановление Постоянной палаты международного правосудия (PCIJ) по делу Фабрики в г. Хожуве (Factory at Chorzów) от 26 июля 1997 г., требование компенсации (юрисдикция), PCIJ Series A, № 9, р. 25, Постановление Постоянной палаты международного правосудия (PCIJ) по делу Фабрики в г. Хожуве (Factory at Chorzów) от 26 июля 1997 г., требование компенсации (существо жалобы), PCIJ Series A, № 17, р. 29, см. также Постановление Международного суда справедливости (ICJ) по делу La Grand («Германия против Соединенных Штатов Америки») (Germany v. United States Of America) International Court of Justice, *Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders*, 2001, р. 485).

Аналогичное выражение «толкование или применение» также используется в статье 55 Конвенции. Если бы формулировка не распространялась на вопросы, связанные со средствами правовой защиты от нарушений Конвенции, тогда статья 55 Конвенции позволяла бы государствам разрешать жалобы по рассматриваемым вопросам, используя другие средства урегулирования споров.

Более того, Конвенция называет предусмотренный договором орган, уполномоченный осуществлять наблюдение за соблюдением договор-

ных обязательств Высокими Договаривающимися Сторонами Конвенции и Протоколов к ней, «Судом». Определение правовых последствий нарушения закона является сутью судебной функции. Орган, который определяет эти последствия, может называться судом, только если он отвечает иным критериям относительно его независимости и беспристрастности. В то же время, чтобы Европейский Суд считался подлинным судом, он должен иметь полномочия определять правовые последствия своих постановлений.

В некоторых своих постановлениях Европейский Суд осуществил свое право определять правовые последствия нарушений Конвенции, указывая особые меры индивидуального или общего характера, которые должны быть приняты для исправления установленных Европейским Судом нарушений. Ничто не мешает Европейскому Суду указывать такие меры и в других делах.

Пункт 2 статьи 46 Конвенции определяет полномочия Комитета министров следующим образом: осуществлять надзор за исполнением постановлений. Само понятие «исполнение» подразумевает существование четко определенной обязанности быть исполненным.

9. Вышеизложенные рассуждения подтверждают вывод о том, что Конвенция определяет мандат и полномочия Европейского Суда в очень расплывчатых терминах, затрагивающих определение правовых последствий нарушений Конвенции, в то время как мандат Комитета министров определен в не допускающих широкого толкования терминах и в принципе ограничен соблюдением обязательств, сформулированных Европейским Судом. Решение Европейского Суда оставить властям государства-ответчика, действующим под надзором Комитета министров, выбор относительно свободы исправления нарушения не закреплено в положениях Конвенции, а является результатом свободного выбора, основанного на самоограничении судей.

III. ПЕРВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПУНКТА 5 СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

10. Пункт 5 статьи 46 Конвенции гласит:

«Если Суд устанавливает факт нарушения пункта 1, он передает дело в Комитет министров для рассмотрения мер, подлежащих принятию. Если Суд не устанавливает факт нарушения пункта 1, он передает дело в Комитет министров, который закрывает рассмотрение дела».

Термин «Суд» в этом положении означает компетентный орган, который рассматривает дело, инициированное согласно пункту 4 статьи 46 Конвенции. Если компетентный орган устанавливает нарушение пункта 1 статьи 46 Конвенции, тогда самым уместным способом исполнения обязательства, сформулированного в первом предло-

жении пункта 5 статьи 46 Конвенции, будет включить в резолютивную часть постановления пункт, согласно которому дело будет прямо передаваться в Комитет министров для рассмотрения мер, которые необходимо принять во исполнение постановления Европейского Суда. Если Европейский Суд не устанавливает нарушения пункта 1 статьи 46 Конвенции, в резолютивной части постановления, по моему мнению, должен содержаться пункт о передаче дела в Комитет министров согласно второму предложению пункта 5 статьи 46 Конвенции.

В настоящем деле большинство судей решили не включать в резолютивную часть настоящего Постановления каких-либо указаний о передаче дела в Комитет министров, факт, который вызывает вопросы относительно последствий Постановления. Таким образом, Постановление можно понять как означающее, что было необязательно передавать дело в Комитет министров для рассмотрения подлежащих применению мер.

ВЫВОД

11. Обобщая сказанное: настоящее дело раскрывает ряд слабых моментов в конвенционной системе исполнения постановлений Европейского Суда, как установлено в результате деятельности конвенционных органов. Во-первых, определение правовых последствий нарушений Конвенции, которое затрагивает суть функционирования Европейского Суда, осуществляется с участием органа, состоящего из представителей органов исполнительной власти государств – участников Конвенции. На решения Комитета министров распространяются применимые нормы об ответственности государств, но они не имеют законодательной основы.

Во-вторых, многие постановления Европейского Суда должны исполняться органами судебной власти государств-ответчиков. Надзор за исполнением постановлений Европейского Суда может включать в себя оценку со стороны Комитета министров того вопроса, были ли положения Конвенции, а также соответствующие международные нормы о компенсации ущерба, вытекающие из установленных нарушений Конвенции, правильно применены в решениях внутригосударственных судов. Это означает, что вынесенные на внутригосударственном уровне судебные решения подвергаются оценке со стороны внесудебного органа.

В-третьих, настоящее дело свидетельствует о том, что процедура осуществления Комитетом министров надзора за исполнением постановлений Европейского Суда может стать причиной вмешательства в дела, рассматриваемые внутригосударственными судами. В подобных ситуациях отсутствуют достаточные гарантии защиты независимости внутригосударственных судов.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЮЛИИ АНТОАНЕЛЛЫ МОТОК

(Перевод)

«Истинный реалист, если он не верующий, всегда найдет в себе силу и способность не поверить и чуду, а если чудо станет пред ним неотразимым фактом, то он скорее не поверит своим чувствам, чем допустит факт».

Ф.М. Достоевский.
«Братья Карамазовы»

1. Это первое применение пункта 4 статьи 46 Конвенции и «крайнего средства» требует, по моему мнению, рассмотрения вопроса о легитимности Европейского Суда. Прежде чем перейти к этому вопросу, стоит рассмотреть подготовительные материалы (*travaux préparatoires*) в отношении способа исполнения постановлений Европейского Суда.

2. Подготовительные материалы прояснили ряд вопросов, которые затронули составители Конвенции и которые сохранили свою актуальность и на сегодняшний день. Составители Конвенции понимали сложности, связанные с исполнением постановлений Европейского Суда. Одновременно они провели сравнение с Международным Судом (Международный суд справедливости, ICJ), чьи организационные структуры служили моделью для создания Европейского Суда. Таким образом, как показывают подготовительные материалы, государства опасались, что в отсутствие международной полиции постановления Европейского Суда могут оставаться неисполненными. Кроме того, большинство участников подготовительных работ выступали от имени общественного мнения в демократии. Весьма интересно отметить, что в проекте Европейского движения четко было сказано, что смещение в сторону диктатуры происходит не автоматически, как показывает история Германии перед Второй мировой войной. Когда Совет Европы был предложен в качестве организации, отвечающей за исполнение постановлений Европейского Суда, представитель Бельгии Шмал (*Schmal*) выразил опасение, что требовать исполнения указанных постановлений будут только от самых слабых стран, в то время как самым сильным такие требования предъявляться не будут.

3. Кроме того, следует отметить, что статья 46 Конвенции воспроизводила текст статьи 94 Устава Организации Объединенных Наций (далее – ООН):

«1. Каждый Член Организации обязуется выполнять решение Международного Суда по тому делу, в котором он является стороной.

2. В случае, если какая-либо сторона в деле не выполнит обязательства, возложенного на нее решением Суда, другая сторона может обратиться

в Совет Безопасности, который может, если признает это необходимым, сделать рекомендации или решить о принятии мер для приведения решения в исполнение».

4. Несомненно, статья 94 Устава ООН является одним из наиболее критикуемых положений Устава ООН, и хотя в целом государства исполняются постановления Международного суда, имеются случаи, когда они этого не делают. Самым известным примером является Постановление от 27 июня 1986 г. по делу о военной и парламентской деятельности в Никарагуа и против Никарагуа («Никарагуа против Соединенных Штатов Америки»), которое так и не было исполнено властями Соединенных Штатов Америки¹.

5. Даже при том, что в настоящее время мы наблюдаем «увеличение судебной составляющей» в исполнении постановлений Европейского Суда, политические факторы и, таким образом, «политика силы», по-видимому, играют важную роль в исполнении указанных постановлений.

6. Вопрос, который нужно рассмотреть с некоторой степенью безотлагательности – это вопрос о легитимности Европейского Суда. В той мере, в которой представитель Бельгии, видимо, представлял способ, которым Европейский Суд должен применять этот вариант, он должен быть уравновешен путем подготовки моральной основы. В литературе в качестве моральной основы предлагалась концепция «живого инструмента»². Ввиду того, что достигнутое соглашение было основано на «процессуальном повороте», а в отношении государства была использована крайняя мера, необходимо пересмотреть вопрос о легитимности Европейского Суда.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Промежуточная Резолюция № CM/ResDH(2017)429

по вопросу исполнения Постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана»

(принята Комитетом министров Совета
Европы 5 декабря 2017 г. на 1302-м заседании
представителей министров)

Номер жалобы	Название дела	Дата вынесения Постановления	Дата вступления Постановления в силу
15172/13	«Ильгар Маммадов против Азербайджана» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan)	22 мая 2014 г.	13 октября 2014 г.

Согласно пункту 2 статьи 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), который предусматривает, что Комитет министров Совета Европы (далее – Комитет министров) осуществляет надзор за исполнением вступивших в силу постановлений Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд), Комитет министров,

напоминая о своей промежуточной Резолюции № CM/ResDH(2017)379, которой власти Республики Азербайджан были официально уведомлены о намерении Комитета министров, сформулированном на 1302-м заседании по вопросам прав человека 5 декабря 2017 г., передать в Европейский Суд в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции вопрос о том, выполнили ли власти Азербайджана свою предусмотренную пунктом 1 статьи 46 Конвенции обязанность исполнить Постановление Европейского Суда от 22 мая 2014 г. по делу Ильгара Маммадова, и которой властям Азербайджана было предложено представить в краткой форме свое мнение по данному вопросу самое позднее к 29 ноября 2017 г.;

напоминая еще раз:

а) что в вышеуказанном Постановлении Европейский Суд установил не только нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку не было представлено фактов или информации, которые послужили бы обоснованием для подозрения, оправдывающего предъявление заявителю обвинения или его задержание или помещение под стражу, но также и нарушение статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5 Конвенции, поскольку действительной целью указанных действий против заявителя было заставить заявителя замолчать или наказать за критику в адрес властей;

б) об обязанности властей государства-ответчика согласно пункту 1 статьи 46 Конвенции исполнять вступившие в силу постановления Европейского Суда, в которых соответствующее государство являлось стороной, и эта обязанность означает, помимо выплаты присужденной Европейским Судом справедливой компенсации, принятие властями государства-ответчика при необходимости мер индивидуального характера для прекращения выявленных нарушений и устранения их последствий, чтобы восстановить, насколько это возможно, *restitutio in integrum*;

с) о том, что на первом заседании 4 декабря 2014 г. Комитет министров призвал принять меры индивидуального характера с учетом вышеупомянутого Постановления для обеспечения безотлагательного освобождения заявителя из-под стражи;

д) о многочисленных последующих решениях и промежуточных резолюциях Комитета министров, подчеркивающих существенные недостатки в уголовном деле против заявителя, раскрытые в рассуждениях Европейского Суда относительно статей 5 и 18 Конвенции и призывающих неза-

¹ См.: Nikolai Wessendorf, Bruno Simma and Others. The Charter of the United Nations: A Commentary, vol. 1 and 2, Oxford University Press, 2012.

² См., например: Letsas George. The ECHR as a Living Instrument: Its Meaning and its Legitimacy, 2012.

медлительно и безусловно освободить заявителя из-под стражи;

е) что уголовное дело против заявителя было завершено Верховным судом Азербайджана 18 ноября 2016 г. без учета последствий выявленных Европейским Судом нарушений, в частности, нарушений статьи 18 Конвенции в совокупности со статьёй 5 Конвенции;

ф) что на протяжении более чем трех лет после вступления настоящего Постановления в силу заявитель оставался под стражей в рамках уголовного дела, которые было признано имеющим существенные нарушения,

полагает, что при таких обстоятельствах, не обеспечив безусловное освобождение заявителя из-под стражи, власти Азербайджана отказались исполнять вступившее в силу Постановление Европейского Суда,

решает передать на рассмотрение Европейского Суда в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции вопрос о том, выполнили ли власти Азербайджана свою обязанность, предусмотренную пунктом 1 статьи 46 Конвенции.

Краткое изложение позиции властей Азербайджана по данному переданному в Европейский Суд вопросу прилагается.

Приложение: замечания властей Азербайджана.

ВВЕДЕНИЕ

1. На 1298-м заседании 25 октября 2017 г. представители министров приняли промежуточную Резолюцию № CM/ResDH(2017)379, в которой Комитет министров официально уведомил власти Азербайджана о своем намерении обратиться в Европейский Суд, на 1302-м заседании 5 декабря 2017 г. – о решении передать в Европейский Суд в соответствии с пунктом 4 статьи 46 Конвенции вопрос о том, выполнили ли власти Азербайджана свою предусмотренную пунктом 1 статьи 46 Конвенции обязанность, обусловленную Постановлением по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan) от 22 мая 2014 г., жалоба № 15172/13.

2. В ответ на предложение Комитета министров, повторенного в вышеуказанной промежуточной Резолюции, власти Азербайджана представили свою позицию по вопросу исполнения Постановления Европейского Суда по настоящему делу.

ФАКТЫ

3. 4 февраля 2013 г. заявителю было предъявлено обвинение на основании статьи 233 (организация или активное участие в деятельности, приведшей к нарушению общественного порядка) и части второй статьи 315 (сопротивление или применение насилия к должностным лицам,

представлявшее угрозу их жизни или здоровью) Уголовного кодекса Азербайджана, и он был задержан на основании решения и заключен под стражу решением Насиминского районного суда. 30 апреля 2013 г. заявителю было предъявлено обвинение согласно части первой статьи 220 (массовые беспорядки) и части второй статьи Уголовного кодекса Азербайджана.

4. 17 марта 2017 г. Шекинский суд по делам о тяжких преступлениях признал заявителя виновным на основании части первой статьи 220 и части второй статьи 315 Уголовного кодекса Азербайджана и приговорил его к семи годам лишения свободы.

5. 24 сентября 2014 г. Шекинский апелляционный суд оставил приговор суда первой инстанции без изменения. Часть вторая статьи 407 Уголовного кодекса Азербайджана устанавливает, что приговор вступает в силу незамедлительно после вынесения решения судом второй инстанции. Следовательно, начиная с 24 сентября 2014 г. заявитель находился под стражей не в рамках избранной меры пресечения, а отбывал назначенное наказание.

6. 22 мая 2014 г. Европейский Суд (Первая Секция) вынес Постановление, в котором признал нарушения подпункта «с» пункта 1 и пункта 4 статьи 5, пункта 2 статьи 6 Конвенции и статьи 18 Конвенции в совокупности со статьёй 5 Конвенции. Это Постановление вступило в силу 13 октября 2014 г.

ПРОЦЕДУРА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОМИТЕТОМ МИНИСТРОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

7. Правило 6 Регламента Комитета министров Совета Европы гласит следующее:

«1. Если в постановлении, направленном в Комитет министров в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции, Суд пришел к выводу о том, что по делу имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней и/или Суд присудил справедливую компенсацию потерпевшей стороне на основании статьи 41 Конвенции, Комитет министров призывает заинтересованную Высокую Договаривающуюся Сторону проинформировать его о мерах, которые Высокая Договаривающаяся Сторона приняла или намеревается принять по результатам вынесения постановления Суда с учетом ее обязательства исполнить такое постановление, предусмотренного пунктом 1 статьи 46 Конвенции.

2. Осуществляя контроль за исполнением постановления Высокой Договаривающейся Стороной в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции, Комитет министров рассматривает следующие вопросы:

а) была ли выплачена сумма справедливой компенсации, присужденной Судом, включающая в соответствующих случаях денежную сумму, рав-

ную процентной ставке, начисленной за просрочку платежа, и

б) при необходимости с учетом свободы усмотрения Высокой Договаривающейся Стороны в выборе средств, необходимых для исполнения постановления Суда:

(i) были ли приняты меры индивидуального характера в целях прекращения нарушения прав человека и для того, чтобы потерпевшая сторона была, насколько это возможно, восстановлена в том положении, в котором она была до того, как произошло нарушение Конвенции;

(ii) были ли приняты меры общего характера в целях предупреждения новых нарушений прав человека, схожих с нарушением (нарушениями), установленным(-и) по делу, или в целях прекращения длящегося нарушения прав человека».

ПРИНЯТЫЕ МЕРЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

8. 25 декабря 2014 г. заявителю были выплачены 22 000 евро в качестве компенсации морального вреда и судебных расходов и издержек.

9. Решением от 13 октября 2015 г. Верховный суд Азербайджана отменил решение Шекинского апелляционного суда от 24 сентября 2014 г., установив, что отклонение нижестоящим судом ходатайств заявителя о допросе дополнительных свидетелей и исследовании дополнительных доказательств противоречило внутригосударственным процессуальным нормам и требованиям статьи 6 Конвенции. Дело было возвращено в Шекинский апелляционный суд на новое рассмотрение в соответствии с внутригосударственными нормами и конвенционными требованиями.

10. 29 апреля 2016 г. Шекинский апелляционный суд завершил повторное рассмотрение дела заявителя и оставил приговор Шекинского суда по делам о тяжких преступлениях от 17 марта 2014 г. без изменения. Шекинский апелляционный суд особо тщательно рассмотрел выводы Европейского Суда, изложенные в Постановлении по делу заявителя, и исправил недостатки в производстве по делу, которое привело к вынесению обвинительного приговора в отношении заявителя.

МЕРЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

11. В декабре 2015 года согласно статье 52 Конвенции Генеральный секретарь Совета Европы подал запрос с целью узнать, как внутригосударственное законодательство государств-членов позволяет гарантировать надлежащее применение Конвенции.

12. 11 января 2017 г. представитель Генерального секретаря Совета Европы посетил Азербайджан и провел обсуждения с сотрудниками органов судебной, законодательной и исполнительной властей, чтобы рассмотреть все вопросы, связанные

с исполнением первого Постановления по делу заявителя. Власти Азербайджана подтвердили свою готовность рассмотреть все предложенные способы исполнения этого Постановления.

13. 10 февраля 2017 г. Президент Азербайджана подписал исполнительный ордер «Об улучшении функционирования исправительных учреждений, гуманизации уголовной политики и расширении практики применения альтернативных наказаний и мер пресечения, не связанных с помещением под стражу».

14. Исполнительный ордер затрагивал ряд вопросов, рассмотренных Европейским Судом в первом Постановлении по делу Маммадова, включая наличие обоснованного подозрения в совершении преступления на момент задержания и рассмотрения компетентными властями альтернативных мер пресечения.

15. Среди целей исполнительного ордера в документе была также названа дальнейшая гуманизация уголовной политики Азербайджана. Отмечалось, что, применяя меры пресечения, следственные органы и суды должны строго соблюдать положения уголовно-процессуального законодательства, а степень применения альтернативных наказаний и мер процессуального принуждения должна быть повышена для достижения целей наказания и мер пресечения без ограничения свободы лиц.

16. Президент Азербайджана рекомендовал Верховному суду Азербайджана, Генеральной прокуратуре Азербайджана, Министерству юстиции Азербайджана разработать проекты законов о декриминализации ряда деяний, применении наказаний, альтернативных лишению свободы, о подготовке оснований для мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, и наказаний, альтернативных лишению свободы, о более широком применении института замены оставшейся части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания, условно-досрочным освобождением, приговором с отсрочкой исполнения, о расширении практики применения мер пресечения, альтернативных помещению под стражу, об упрощении процедуры замены помещения под стражу альтернативной мерой пресечения, о дальнейшем ограничении оснований для задержания за преступления малой тяжести или еще менее тяжкие преступления.

17. Президент Азербайджана также порекомендовал Генеральной прокуратуре Азербайджана начать рассмотрение альтернативных мер пресечения при решении вопроса о задержании.

18. Кроме того, судам было рекомендовано проверять наличие обоснованного подозрения в том, что лицо совершило преступление, и основания для задержания при принятии решения о мере пресечения, а также существование доводов в пользу применения альтернативных мер пресечения.

19. Согласно исполнительному ордеру Верховный суд Азербайджана продолжит анализировать прецедентную практику судов относительно задержаний и помещения под стражу.

20. 20 октября 2017 г. Национальное собрание Азербайджана (Милли Меджлис) приняло Закон о внесении изменений в Уголовный кодекс Азербайджана, которым было изменено более 300 норм уголовного законодательства. Параллельно с декриминализацией определенных деяний данный закон вводит наказания, альтернативные лишению свободы, и упрощенные правила досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы. Закон должен вступить в силу 1 декабря 2017 г. Этот закон предусматривает введение статьи 76.3.1–1, предоставляющей возможность условного освобождения по отбытии двух третей от срока наказания, назначенного за совершение тяжких преступлений. После внесения этого изменения заявитель будет иметь право на условно-досрочное освобождение начиная с 4 августа 2017 г.

21. 1 декабря 2017 г. Национальное собрание Азербайджана также рассмотрит в третьем

чтении поправки к Уголовно-процессуальному кодексу Азербайджана и Уголовному кодексу Азербайджана, которые соответствуют рекомендациям исполнительного ордера.

22. В настоящее время, после направления рекомендаций следственным органам и судам, количество лиц, содержащихся в следственных изоляторах, продолжает сокращаться: на протяжении девяти месяцев количество лиц, содержащихся в следственных изоляторах, уменьшилось на 25%. Кроме того, количество судебных решений о задержании лиц сократилось на 24% по сравнению с 2016 годом.

23. В итоге в отсутствие какого-либо постановления Европейского Суда, в котором бы содержалось положение о незамедлительном освобождении заявителя из-под стражи, и учитывая пределы усмотрения Высокой Договаривающейся Стороны при выборе мер, необходимых для исполнения постановления Европейского Суда, власти государства-ответчика полагают, что они выполнили необходимые меры для исполнения Постановления Европейского Суда по настоящему делу.